

КРОКОДИЛ

13
1979

СО СВОЕЙ МЕРКОЙ

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

«В конце апреля 1979 года исполняется 50 лет со дня одобрения XVI конференцией ВКП(б) и в мае — утверждения V Всесоюзным съездом Советов первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР».

(Из постановления ЦК КПСС).

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В СТРОЮ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КОММЕНТАРИЙ

Его хобби— защита прав

— Ваше хобби, сэр? — спросили на пресс-конференции одного американского сенатора из породы «ястребов».

— В свободное от государственных дел время, — последовал ответ, — я защищаю права человека в других государствах...

Ах, какой молодец сенатор! Права человека — штука не простая. Тут особый подход требуется, особая тонкость вкуса.

Сердце его кровью обливаешь, когда думает он о несчастном никарагуанском президенте Сомосе. Не защити Сомосу, так он всех прав вмиг лишится, в том числе и самого главного права человека — права на жизнь. Эти неспособные оценить истинную демократию никарагуанские рабочие и крестьяне так и пишут на стенах домов в Манагуа: «Смерть Сомосе!»

Каково?

Или взять, к примеру, другого гонимого, более того, уже изгнанного из Кампучии известного либерала Пол Пота. Разве не похвально для американского сенатора, что в свои свободные вечера он пишет письма в ООН с просьбой вернуть Пол Пота его священное право сгонять собственный народ в концентрационные лагеря?

А защита прав белого меньшинства на юге Африки? Бедное белое меньшинство! Здесь для истинного демократа уже стирается грань между хобби и долгом! Подумать только, этому, можно сказать, национальному меньшинству мешают жить привычной жизнью на том нелепом основании, что африканцы не желают более пользоваться своим правом тесниться в гетто и резервациях. И сенатор не жалеет времени и сил — пишет речь

Р. ВИККЕРС,
А. КАНЕВСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

«Теорию относительности я так понимаю: летаешь на межпланетной ракете месяц, а на земле десять лет прошло. Вернулся, а в школу уже ходить не надо».

(Из ответа ученика 7-го «Б» класса Севы Добкина на уроке физики).

Серебристая ракета вспоролла атмосферу, пронзила облака и, резко затормозив, мягко опустилась на космодром. Стряхнув со скафандра космическую пыль, из кабины на траву выпрыгнул двадцатилетний космонавт — Всеволод Добкин. На его открытом молодом лице сияла радость: ведь Добкин первым в мире преодолел на своем корабле скорость света. Скромно приняв букеты весенних цветов и горячие поздравления встречающих, Сева отправился домой.

Город, конечно, изменился до неузнаваемости, но родной квартал остался таким же, как и был. И дом на месте. С трудом сдерживая волнение, космонавт нажал на кнопку звонка сто десятой квартиры. Двери

отворил незнакомый, но симпатичный старичок в халате и шлепанцах.

— Если вы насчет экзаменов, то я уже не принимаю, — довольно строго заявил он. — Да-с. Скоро месяц, как на пенсии.

От неожиданности Сева выронил цветы. Старик, заметив его растерянность, пожалел парня.

— А вы сами откуда, если не секрет? — спросил он.

— Издалека, — промямлил Всеволод.

— В наши места надолго?

— Насовсем. Я ведь здешний. Из этого дома.

— Ах, значит, вы наш сосед! — подобрил старик. — Из какой же квартиры?

— Из этой. Сто десятой.

Дед обиделся.

— Что за шутки? Это моя квартира.

Тут и Сева не сдержался:

— Нет уж, извините, моя.

— Простите, но меня весь город знает! — наступал неизвестный. — Моя фамилия Добкин!

Сева начал бить этот старик. Ну и нахал. Сперва присвоил его жилплощадь, а теперь покушается и на фамилию.

Дед не унимался.

— Да вы взгляните сюда! — кричал он, подталкивая космонавта к дверям, где красовалась табличка с надписью «Профессор Добкин П. В.» — А вы еще сомневались! Да я тут всю жизнь прожил. И родился здесь и вырос...

о необходимости послать побольше оружия и наемников в Преторию и Солсбери для защиты прав белого меньшинства. «Дискриминация в наше время недопустима!» — говорит сенатор.

Понятно, почему его архив пополняется все новыми благодарственными письмами с юга Африки. Впрочем, и с запада Европы тоже. И там ведь немало ущемленных в своих правах людей.

Может ли сенатор, чье хобби — защита прав человека, оставаться равнодушным к вопиющему посягательству на права ветеранов второй мировой войны в ФРГ? Вот уже тридцать пять лет им отказывают в элементарном праве открыто носить награды за верную службу в вермахте и в «СС»!

Может ли совесть сенатора мириться с тем, что так называемая общественность требует запретить нацистские организации? А почему, собственно, их запрещать? Каждый человек волен думать и делать что хочет. «Человек свободен!» — говорит сенатор.

Вот коммунистов и профсоюзы левого толка действительно пора бы запретить. Слишком уж назойливо посягают они на права капиталистов. А капиталисты, это не люди, что ли? Речь, следовательно, опять-таки идет о защите прав человека!

Одно только остается загадкой: почему сенатор не хочет заняться, так сказать, местным, американским материалом? Может, некого защищать в США?

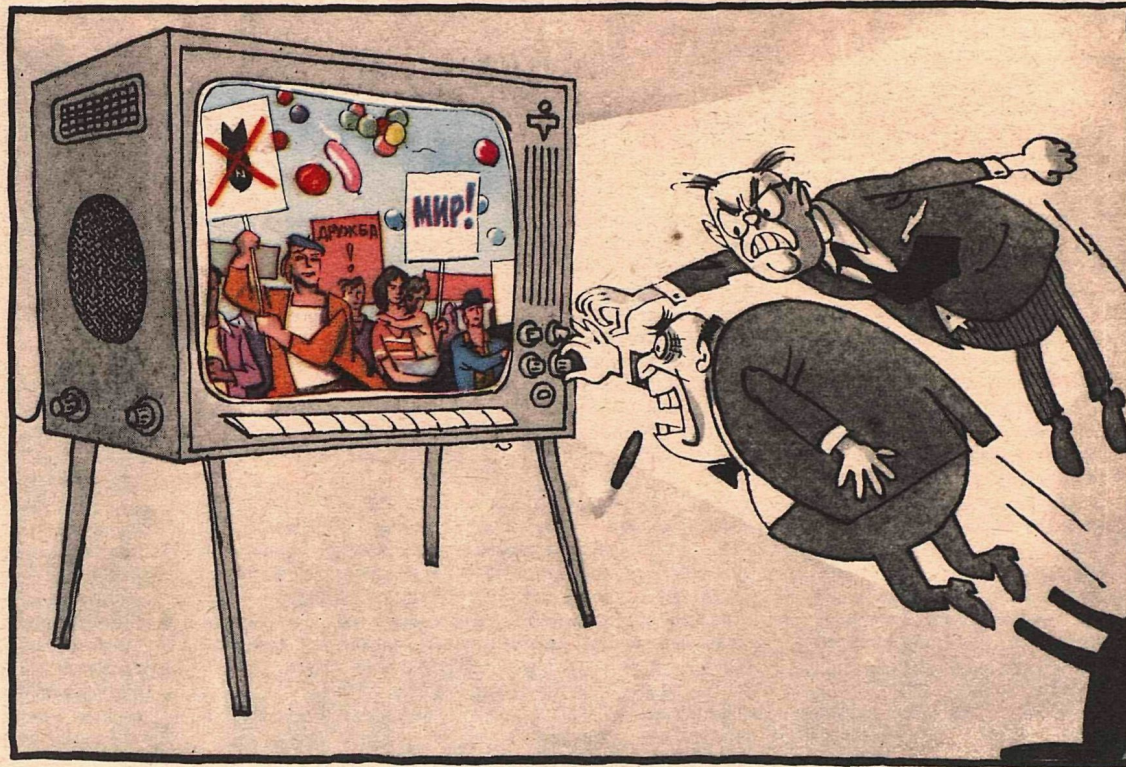
А полицейских, которым строптивные негры и пуэрторианцы не всегда по первому требованию подставляют головы под дубинки?

А агентов ЦРУ и ФБР, чье право на прослушивание чужих телефонных разговоров и просматривание чужих спален подвергается угрозе со стороны конституции?

А самих капиталистов, наконец, — от безработных, которые в ущерб своему же праву на круглогодичный отдых требуют работы?

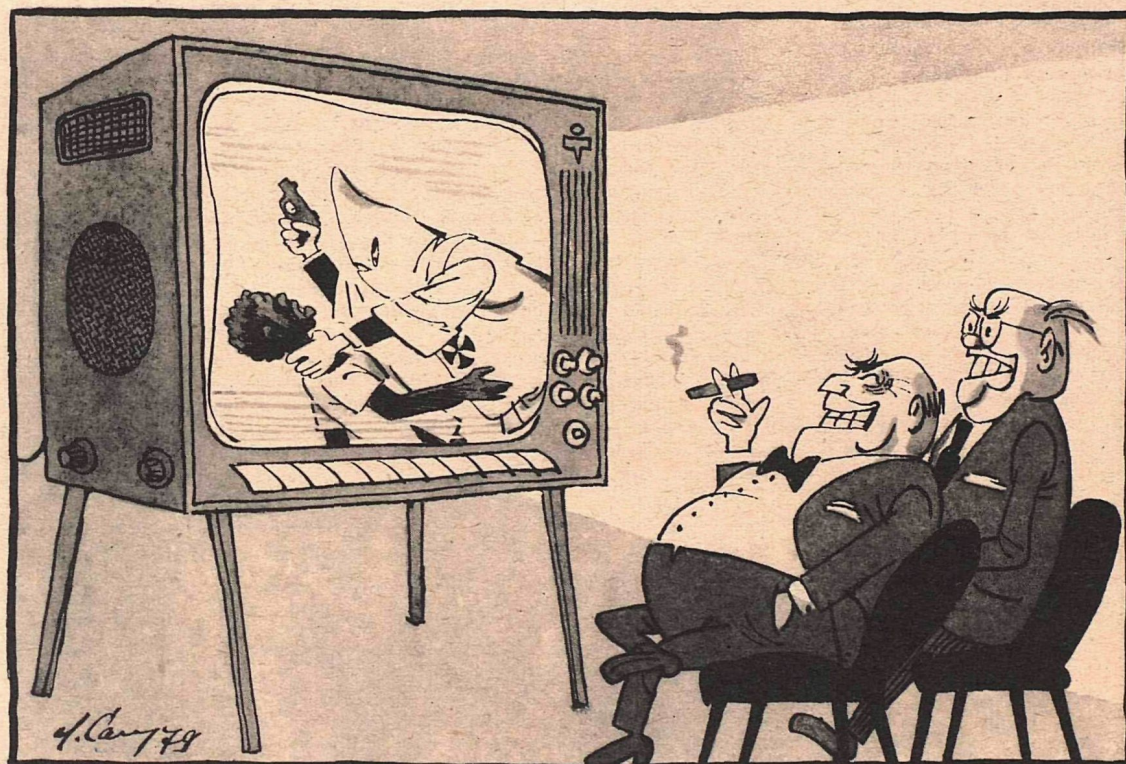
...Словом, хобби у сенатора перспективное.

Дежурный комментатор
Виктор САМАРИН

НА ВКУС,
НА ЦВЕТ...

— К черту
цветное
изображение!
Давайте
черно-белое!

— Ну вот,
то ли дело...

Рисунок
Л. САМОЙЛОВА

Вдруг он осекся. Страшная догадка пронеслась в его мыслях.

— Стойте!.. Как вас зовут?

— Всеволод.

— А по отчеству?

— Петрович!

— Папа! — закричал старик и бросился на шею космонавту.

— Сынок, — прошептал Сева, прижимая к груди свое дитя. — Как же это я сразу не сообразил?!

Они вошли в гостиную, не разнимая рук. Оба говорили, сбиваясь и прерывая друг друга. Оба были взволнованы до глубины души.

— Пашка, сынок... — бормотал Всеволод. — Вырос-то как! Красавец!

— Папка! Папочка! — лепетал старик. — Столько лет ждал. Наконец, дождался...

Но волнение, как и все на свете, прошло, и старик успокоился.

— Что же мы сидим! Ты, верно, проголодался.

— Такую встречу не грех бы и отметить, — намекнул отец.

— Не возражаю, — подмигнул

ему сын, доставая из домашней аптечки две крохотные пилюли.

— Что это? — удивился Всеволод.

— Заменитель алкоголя, — пояснил старик. — Прекрасное активизирующее средство.

— А как насчет водки?

— Вспомнил! Еще в 1979 году по общенародному требованию всю уничтожили! Митинговали, ходили с плакатами. На каждом плакате была нарисована бутылка. Один плакат на троих.

Пришлось чокнуться таблетками. Сладко тающие под языком, они оказывали приятное действие на организм. Всеволод даже стал напевать веселую песенку, а профессор, воспользовавшись его хорошим настроением, расхрабрился и загадочно произнес:

— Ты не рассердишься, если я тебе что-то скажу?

— Смотря что.

— Нет, ты обещаешь, что не будешь злиться.

— А что ты натворил? Окно разбил или подрался с кем-то?!

— Нет, это гораздо серьезней...

— Да не томи ты! Что случилось?

Старик тяжело вздохнул и признался:

— Я, папа, женился.

Сева не рассердился, но расстроился порядком. Жениться, не посоветовавшись с отцом, а просто поставить его перед свершившимся фактом... Вот они, нынешние дети!..

— Да ты не волнуйся, отец. Анечка — девушка славная, уже на пенсии. Мы с ней тридцать лет душа в душу, прожили.

...Анечка впорхнула в комнату минут через пятнадцать. Маленькая, бойкая старушка, она мило засмущалась, узнав, кем приходится ей молодой гость.

— Вы уж простите, Всеволод Петрович, что так сложилось, Всеволод Петрович...

— Да что ты все Петрович да Петрович, — шуточно «рассердился» Сева. — Называй меня просто «папа».

Старушка полезла в сумочку за платочком, а профессор благодарно сказал:

— Значит, ты меня не осуждаешь?

— Нет. Тебе с ней жить, Пашка! Анечка весело щебетала, готовя гостью постель.

— Отдыхайте с дороги, папа. А на ужин мы детей позволим. Ох, и обрадуются они дедушке! Ведь у вас один возраст, одни интересы.

Но Всеволод не разделял общей радости. Грустные мысли одолевали его. Вот он уже и дедушка. А что будет дальше? Где жить? Чем заняться? И, как бы разгадав его заботы, мудрый, седой сын успокоил молодого отца:

— Жить будешь с нами. В тесноте, да не в обиде.

— Но меня здесь могут и не прописать. Сколько лет, как выбыл.

Старик отозвал жену в сторону, о чем-то с ней пошептался и, хлопнув Севу по плечу, торжественно объявил:

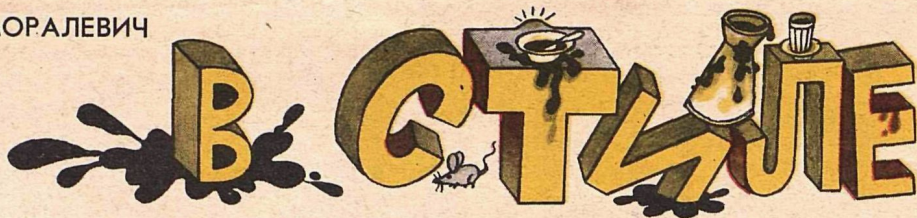
— Не бойся, батя. Мы тебя усыновим!

«Многое предстоит сделать и для того, чтобы улучшить общественное питание...»

(Из речи товарища Л. И. Брежнева на XVI съезде профсоюзов).

**ПЯТИЛЕТКА
СТАВИТ
ВОПРОС**

А. МОРАЛЕВИЧ

Это прошлогоднее сражение уже отгремело. Ординарцы маршалов сельхоззаготовок и производства свернули карты отошедшей победоносной кампании. Здесь было все, на этих рулонах ватмана: молниеносные и гигантские перегруппировки живой силы и техники, предвосхищение коварств слепых сил природы, фланговые прорывы в поля шефов из города, взятые в клещи неблагоприятных массивов.

А теперь уже баста. Стопудовые урожаи затарены. И совершенно резонно земледелец производит на своей широкой груди разгребающее движение руками, высвобождая место для очередной высокой награды.

Она заслуженна, эта награда. Большие хлопоты перевозок земледелец. Он сеял, сажал, а потом из-за отвратной погоды перевозывал миллионы гектаров. Он в соответствии с указаниями телевидения в урочный срок вносил удобрения. Он с весны водружал при дорогах аншлаги: «СОРНЯКАМ НЕ МЕСТО В ОБОЯНСКОМ РАЙОНЕ!» И кто колесил на автомобилях по дорогам страны прошлым летом, с приятным мог заключить, что не лишь для модели и галочки выставлялись такие аншлаги.

Словом, земледелец сказал свое слово и обратил свои взоры к потребляющим продукт городам: как вы там распорядитесь продуктом?

И тотчас посочились слухи, что в обстановке возросшей культуры транспортировки, хранения, изготовления и сбыта пищевых продуктов и пицци город ничего не профукает. Били шалкой оземь директора сортировочных, перевалочных баз, заверяли, что без потерь рассортируют и перевалят все, как мыслимое, так и немислимое. И от междугородных рефрижераторных транспортников, от перевозчиков внутригородских поступали сигналы, что уж кто-кто, а они-то не подведут, ничего не растрясут, не проквасят.

И общепитчики, мастера пищеблоков, люди в белых халатах, определенно высказывались: на полученном от тружеников ферм, полей и садов исходном продукте мы до того изысканно и разносольно пропитаем широкие массы, что к нам, людям в белых халатах, совершенно забудут дорогу люди в серых шинелях. И настанет повальное паломничество широких масс в столовую и ресторан, которые ныне...

Которые ныне, прямо скажем, изрядно не те, что в недавнем и обозримом прошлом.

Да, в недавнем прошлом наивны были потуги, попользования по заману клиентов в зал. Лишь настолько хватало бескрылости, чтобы во всю стену придорожной шашлычной изобразить волоокого байбака, сидящего по-турецки, а под ним приляпать и текст:

«И МАММЕД И СИДИТ И ПЕТ И ЧАЙ И САХАРОМ И УДОВОЛСТВИЕМ!»

Нет, не найти теперь такого лубка. Несозвучен Маммед эпохе, и кто клонет на такую наживу? Поэтому наималый уже общепитчик теперь держит нос по ветру: он на малые самые средства утопит зал в зазывающей роскоши стиля «под». Здесь вместо Маммеда будут звать панорамные окна. Здесь над фасадом начнут пульсировать неон и криптон. Здесь все, что доступно, заштукатурено стружечной и волокнистой плитой «под красное дерево». А где возник недобор плиты — некондиционный еловый пиловочник напичкан морилками «под почти что и дуб». Здесь изгнанники изостудий, объединившись в тайные от мира бригады и расплзшись по стране, за аккордную оплату с гектара живописи изобразили настенно, напольно и потолочно изобилие в собственном чахломе воображении. Здесь — ужасное веяние времени и не лучшая утилизация отходов листового дюралюминия и фольги — происходит разгул былого чеканочного мастерства, а ныне жути кузнечно-прессовой. И висят по стенам, призывая клиентов выделить желудочный сок и сопутствующие пепсины: алюминиевая роза ветров; парубок с неизвестной ихтиологии рыбою; красны девицы с воздетыми дланями, и в тех дланях корнеплоды турнепс и кузика; и, конечно, здесь висит чеканный горский должитель в папахе, свалывшейся, как астра из августовской помойки, бьющий в бубен из кастрюльного алюминия.

Такие широкие и мелочейшие сети расставлены для уловления едока. А чтобы было еще антуражистей, приплюсованы под потолок вентиляторы, размешивающие в зале мух до однородной массы, лежат на столах сервировочный алюминий под мельхиор, над рукоомойником пригвожден к стене фен и

за кассой сидит красавица, вся унизанная слюдяными сапфирами.

И потирая ладони, поднявшийся на качественно иную ступень, ожидает общепитчик небывалого наплыва клиентов. И оглаживает руками (чистый слоновый ватман, переплетенный в доски из кипариса) Книгу отзывов и предложений (бывшую — «Жалоб»). К той книге цепью присобачена самописка: вот уж напитается клиент, вот уж как отзовется!

В этом месте, откуда встает с постелей самая ранневстающая категория граждан в стране, а именно: повара общепита и кулинары, откуда ночными магистралями прибывают кулинары к котлам для вложения пищевых продуктов в котлы — зададимся вопросом: почему? Зачем такие для замана едоков расставлены сети, зачем пыжата, зашивая зал «под», зачем настенный дюралевый старец бьет в бубен ревматически утолщенными пальцами? Ведь в полях произведен отменный продукт, и не лучшая ли реклама для заведения — изготовить из продукта первоклассную пищу, а не солянку и гуляш «под солянку» и «под гуляш»?

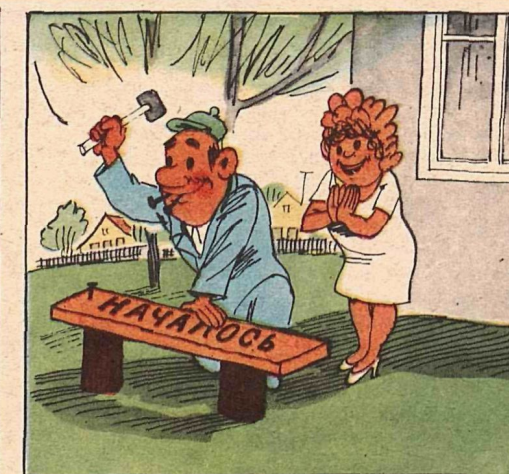
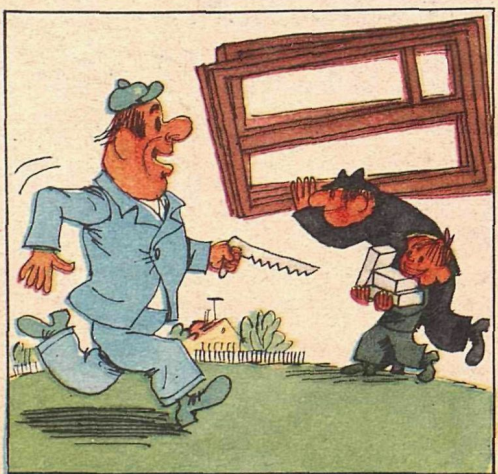
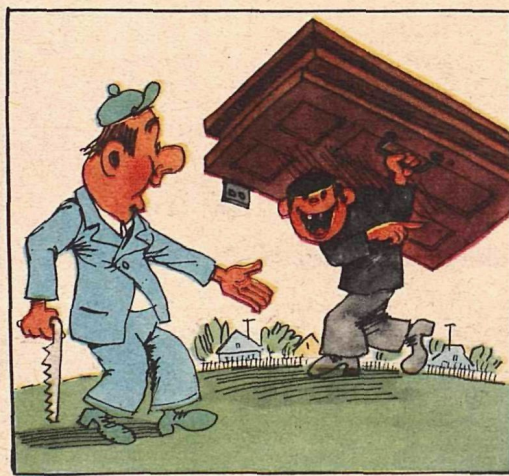
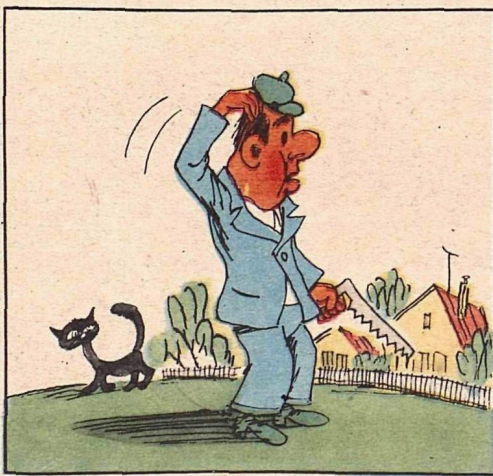
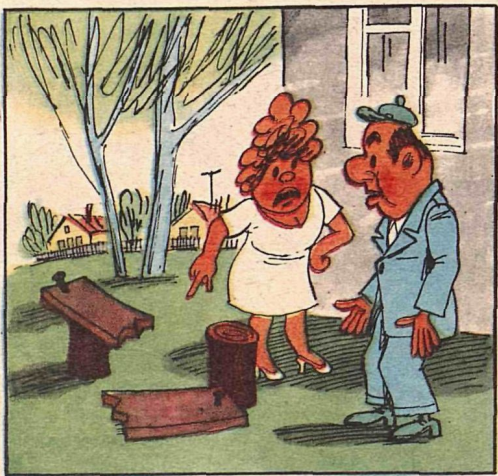
Это, конечно, лучше, но как-то упрощенно, вульгарно, не в ногу со временем.

И печальный, настораживающий просится вывод: товарищи! В нашей памяти больше нету почти наименований изделий, которые не пытались бы когда-либо украсть.

Однако никогда, товарищи, из общепита не крал потребитель никакой готовой продукции! Полуфабрикат, исходный продукт — тот, бывало, подкрадывали, и, само собой, не клиенты, но чтобы готовый, конечный продукт — ни в жизнь! И лишь единственный на страну зарегистрирован случай кражи котлет третьеводнишних из шашлычной на станции Трудовая, да и тот впоследствии выяснился не гурманским вкусом котлет, а затемненным сознанием почитателя.

— Ты орази, — наставляли автора перед изготовлением этого эссе, — что вот где главное расточительство: к каждой чашечке кофе там и сям прилегают два блока сахара, а хватает одного за глаза, и псу под хвост идет второй блок. И лозунг висит над столовским столом: «Хлеб — наше богатство!» — и еще один лозунг: «Семь раз отмерь — один раз отъешь!» — а на столах горой открытая выкладка хле-

Б. ВОРОБЬЕВ

Трест «Калмпромстрой-материалы» [Калмыцкая АССР] взялся за сооружение кирпичного завода в поселке Приозерный. Строители лихо возвели стены, настелили полы, вставили рамы, остекленные первосортным стеклом, и даже возвели роскошный фундаментальный забор из дерева и бетона...

Что было дальше, рассказывает изюфельетон.

кам и пищеварительным трактам клиентов (да что уж там — о неуважении просто к клиентам!), пишет про завоз несвежих продуктов...

На это в ответ метания происходят в общепите и раздаются голоса в растеряннно-брюзгливой тональности:

— Мы в отдельных случаях салфетки на стол выставляем, и люстра у нас из прессованного хрусталя, и музавтомат «джудбокс» у нас производит музыку, а они...

Хоровые раздавались стенания, что вот как тут выполнить план вдалеке от шоссе и железных дорог, где сплошная в клиенте пищевая взыскательность, привередливость черт-те какая? Ведь едва клиенту не угоди, не потрафь — переходит клиент дорогу, идет в квартиру свою, а там у плиты хлопотунья-жена с разносолами. А вот если бы столовой придать филиал да поставить этот буфет-филиал на станции, поскольку там пассажир от своей плиты далеко...

И добились многие, гремя возники пристанционных буфетов. И говаривали умные головы:

— Теперь сбарим мы пассажиру, поскольку в безвыходном он положении, все, от чего местный житель воротит нос. И продукции на выброс уменьшится. Чем в таз, лучше в вас!

Под эту точку зрения прошлым летом были развернуты благоприятные обстоятельства для всучива-

ния пассажирам завали из пристанционных буфетов. Какой сморщенности были пончики! Какие «каклеты» и «стюдны»!

И ведь умница она, железная эта дорога, ведь даже поезд Москва — Кременчуг и обратно, громадный поезд, одной третью длины не вмещающийся ни в какой московский перрон, догадалась пускать без вагона-ресторана, прогоняя пассажира как сквозь строй меж рядами ларьков, где каждый «от» чего-то базового, а это базовое построено, ясно же, «под».

Удивительные люди, ступки сознательности! Приводимая дальше картина — уже не для фельетона, она для очерка: ни один пассажир, купивший в ларьке съестнину, не швырнул ее тут же в сердцах куда попадя. Только в урны, аккуратнейшим образом бросали люди бутерброды и прочее. Потому что какая произойдет картина, брось ты такое, а оно ненароком падет на рельс? Ведь и поезд полетит под откос!

И все ясно, все встает на места. Здесь, расплачившись в вопросе ресторано-столовской обезлички еды, низведения ее до унылой и пресной жвачки, обреченной на скорый выброс, непонятно одно: отчего повсюду в местах общественного питания висят таблички: «Приносить с собой и распивать запрещается!» — а в развитие этой идеи таблички: «Приносить с собой и разжевывать» — не висят?

ба и кусков, едва только надкушенных — тьма. Ты ударь по таким настроениям!

И не выполнен будет наказ наставлявших. Не об этом протрубить хочет автор. Излишний сахар, поруганный хлебный ломоть — это частности, это слабые низвержения на сметник моря пищевых продуктов. Тогда как главное, на чем мы теряем, из-за чего пропадает и идет на выброс товар, добытый в полях тяжелым трудом, —

НЕУДОБОВАРИМО! НЕСЪЕДОБНО! НЕВКУСНО!

Мы не слоны, о нас не скажешь языком биологической книги: «Вся жизнь их — ритмическое чередование сна и грубой еды». Мы имеем повадку сон и еду, помимо работы, так же ритмически перемежать размышлениями. Отчего же, предадимся мы размышлению, вдруг да невкусно блюдо, и едок оттолкнул от себя едва початую тарелку, и ряд безостаточно употребимых продуктов, как-то: лук, картофель, огурец, барбарис — полетел большой массой в помойку?

Потому, мы ответим, что у нас вокруг кухни отирается слишком много народу. Так, в столовой села Тупик, Читинская область, у плиты стоит одна только бабушка, полновесные вложения в котел дополняя вложением в блюдо частички души — высшей специи. И понимающие толк в еде северяне преклоненно и уважительно говорят поварихе: «Мать».

Но в городе Кировакане (Армения) вокруг общественного котла — это при механизации-то цеха разделки — поваров увивается вместо трех пять, вместо девяти аж двенадцать плюс над ними не положенный по штату директор, плюс еще какие-то юноши в зале... Девяносто рублей получает повар, и пеэстрит Кировакан объявлениями, что там-то требуется работник на зарплату под двести рублей, там — за двести и с хвостиком, а не уходит сверхштатные патриоты котла на оплачиваемую выше работу. Как при такой специфике не упустить блюдо, подаваемому в зал, как не потерять во вкусоности и калорийности, не обречься на едва притронутость и на выброс?

И совсем не то, что от него ожидалось, пишет клиент на слоновой бумаге книг отзывов и предложений. Здесь пишет раздраженно клиент о недоложениях поварами в котлы, пишет про обезличенное приготовление пищи, про отсутствие маломальского уважения к вкусовым языковым пупырыш-

Рисунок В. ШКАРБАНА

— А где картошка, перец, соль?

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ ГДЕ ЖЕ ИСТИНА?

Такой несколько риторический вопрос хочется задать при чтении ряда писем, поступивших в «Крокодил». Но для затравки позвольте чуть окурнуть в предысторию вопроса.

В свое время журнал опубликовал фельетон М. Семенова «Глухота», в котором говорилось об инвалидах войны и труда, долго и тчетно писавших в соответствующие организации жалобы на плохие эксплуатационные качества и малую комфортабельность мотоциклов «СЗД» Серпуховского мотоциклетного завода.

В № 26 «Крокодила» за прошлый год был опубликован отклик на этот фельетон за подписью начальника Управления конструкторских и экспериментальных работ Министерства автомобильной промышленности СССР тов. А. Титкова. Ответственный руководитель сообщал, что, во-первых, помимо прочих предприятий, Серпуховский завод принимает меры, чтобы повысить качество «СЗД», и, во-вторых, этот же завод ведет работу по созданию новой мотоциклашки.

Судя по дальнейшим письмам, многие читатели-

инвалиды восприняли духом: вот-вот к их услугам появится мотоциклашка или мини-автомобиль, который будет надежен и удобен в эксплуатации, доступен, комфортабелен и вообще отвечать всем тем требованиям, которые совершенно резонно предъявляются к мотоциклашкам такого класса. Некоторые читатели, в частности Н. Воронов из гор. Мосты Гродненской области и Н. Степков из гор. Гомеля, сгорая от вполне понятного нетерпения, обратились прямо на завод с просьбой ответить, как обстоят дела с выпуском новой машины и когда ее можно будет приобрести.

Каково же было их разочарование, когда они получили ответы от руководителей Серпуховского мотоциклетного завода. Н. Воронову и его товарищам по несчастью ответил и. о. главного инженера завода И. Ивенский. Ответ лаконичен: «В настоящее время и в ближайших годах завод будет продолжать выпуск мотоциклашек «СЗД». В таком же духе ответил Н. Степкову главный инженер В. Шелудько: «В ближайшие годы конструкция мотоциклашки меняться не будет».

Вот так — кратко и категорично... Категорично и, не скроем, обидно. Обидно, что начальник управления всколыхнул у тысяч инвалидов беспочвенные надежды, обидно, что руководители управления не ведают, что на самом деле происходит на подведомственном предприятии, обидно, что те же тысячи инвалидов на годы останутся без столь необходимого им средства передвижения.

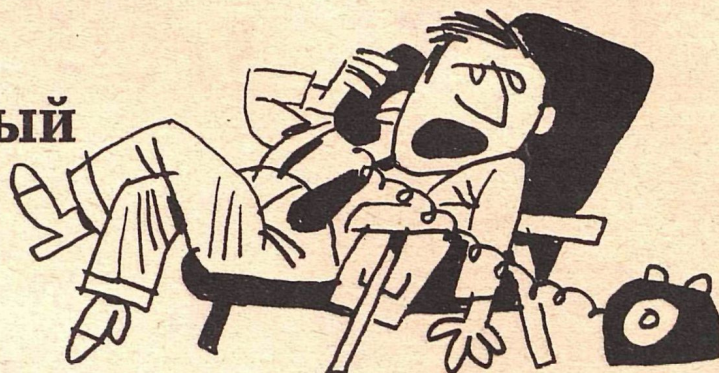
В своем письме жалобнику тов. И. Ивенский поясняет причину столь упорного цепляния завода за старую модель: «...в связи с резким сокращением спроса на мотоциклашки вопрос о целесообразности проведения коренных изменений решается вышестоящими организациями». Но, не говоря уже о том, что именно из-за плохого качества «СЗД» потребители резко сократили спрос на эту модель, необходимо подчеркнуть: именно вышестоящие организации, то есть начальник управления А. Титков отвечал нам, что Серпуховский мотоциклетный завод ведет работу по созданию новой мотоциклашки. Кто же прав? Где же истина? По-видимому, в ожидаемом нами ответе еще более вышестоящих организаций, то есть руководителей Министерства автомобильной промышленности СССР.

ТРИ РАССКАЗА

Витауте ЖИЛИНСКАЙТЕ

В напряженный момент

МОЕ ПРОЧТЕНИЕ

А. КРАВЦОВ

Без церемоний

Два поэта, Полонский и Фет,
Тот с подагрой, этот с одышкой...

Александр КУШНЕР

Афоня, Яша—справные ребята,
И с ними я всегда запанибрата.
Намедни искушаю: «Есть мыслишка—
В журнал артельно написать стишок». —
Они в ответ: «Пиши один, Сашок.
Куда уж нам — с подагрой да с одышкой!»

Свердловская область.

Владлен БАХНОВ

Центрифига

Закон тяготенья
Двух родственных душ,
Всемирный закон
Гравитаций
Двух равновлекомых
Взаимностью тел,
Где центрифугальность
Еще не предел
В эпоху
Цветенья акаций.

Григорий ПОЖЕНЯН

Как ныне собирают ученый совет,
Чтоб он коллективно дал точный ответ,
Что значит «закон гравитаций
Двух равновлекомых взаимностью тел,
Где центрифугальность еще не предел
В эпоху цветенья акаций».
И вот уж три дня заседают они,
И вот уж три дня изучают они
Стихи, что сложней диссертаций.
О эта влекомость взаимностью тел,
Где центрифугальность еще не предел
В эпоху цветенья акаций!
В ученом совете сидят не юнцы,
Здесь каждый научно подкован.
И встал академик, который энци-
Клопедически образован.
Он стал говорить о влекомости тел,
Где центрифугальность еще не предел,
И тут неприятность случилась:
Он центрифугальности не одолел,
Упал, сердце больше не билось.
Но вот на совет сам явился поэт:
— Друзья, я хотел бы открыть вам секрет
Загадок моих и новаций.
Но я не открою его потому,
Что сам ни за что не пойму, что к чему
В эпоху цветенья акаций.
Я кончил. Не надо оваций!

ДИАЛОГ

Юзеф ОСТРОВСКИЙ

Что за вино?

Спросил в отделе винном дед:
— Что за вино там, девушка?
— Шестнадцать градусов,— ответ
Тотчас услышал дедушка.
Старик сказал:— Люблю вино
[Недаром ведь с Кавказа я],
Но чтобы так звалось оно...
Нет, не слышал ни разу я.

ШУТКА

Юрий ШИГАЕВ

Компьютер

Чтоб выбрать спутницу себе,
запрос
Мужчина в брачное бюро принес.
На высоте наука и культура —
За пять минут дана кандидатура:
«Не курит, ценит юмор и стройна,
Шьет, вяжет и к тому ж поет она.
Брюнетка и характером мягка,
Имела, правда, мужа, дурака...»
Нет у компьютера ни в чем
секрета.
Устроила холостяка анкета.
Но не учла машина одного,
Что это... первая жена его.

ЭПИТАФИЯ

Эммануил ПРАГ

Обмывала

Все обмывал он: день субботний,
Успех, покупку, карнавал...
Недообмытое сегодня
Назавтра он дообмывал.

Так часты обмыванья были,
Так их масштабы возросли,
Что и его на днях обмыли
И в белых тапках унесли...

г. Фрунзе

Рисунок И. НОРИНСКОГО

естественно закашлялся, поперхнувшись дымом сигареты.

— Погоди! За шестнадцать минут не сгоришь?

Рапайла молча положил трубку, и институтский друг вместе с половинкой краюшки остался по ту сторону сожженного моста в прошлое. Ладно... Фломастер сделал свое черное дело. Рапайла набрал третий по порядку номер. Этому другу он в свое время отдал свою, можно сказать, последнюю рубашку.

— Миколас! — Рапайла решил сразу взять быка за рога. — Можешь уделить мне сейчас минутку-другую?

— Почему именно сейчас? — огорчился Миколас.

— Потому, — голосом умирающего произнес Рапайла, — потому, что я уже стою одной ногой в могиле.

— Продержись чуток на другой ноге! Можешь?

— Сколько?

— Тринадцать минут.

Рапайла бросил трубку, отодвинул телефонный аппарат и поднялся с кресла. С чем он остался? С тремя траурными полосами в телефонной книге, двумя недоеденными бутербродами и глухой тоской одиночества... Тихо, как в могиле... И вдруг эту тишину взорвал мужской голос:

— Пришло время свести счеты, старый бездельник!

Экран ожил! Счастливый, позабыв про мосты, краюшки, рубашки, плевелы и про все остальное, Рапайла принял жадно глотать фильм, заедая его бутербродами... И тут в самый решающий момент схватки героя с бандитами у двери пронзительно зазвенел звонок. Кого там еще нелегкая принесла?!

Рапайла раздраженно распахнул дверь. На пороге выросли три вооруженных милиционера.

— Где хулиганы? — осведомился один из них.

Не успев ответить, Рапайла увидел, что вверх по лестнице бегут санитары с носилками. Мало того: у подъезда завывала сирена пожарной машины...

— Не можете ли вы, — жалобно пролепетал Рапайла, — не можете ли вы подождать? Всего девять минуточек!

Перевел с литовского
Георгий ГЕРАСИМОВ.

Александр МИРОШНИЧЕНКО

Молчать он не мог

Все началось с анкеты. Главк решил поставить работу с кадрами в нашей ремонтно-строительной конторе на научные рельсы. Чтобы, значит, никакого субъективизма, волюнтаризма и семейственности.

Пригласили социолога. Он разработал анкету. Однако народ у нас подобрался серьезный и бдительный.

Ну, скажем, разве можно было двузачно ответить на вопрос: «Хотелось ли бы вам и впредь работать с начальником конторы Свирбиченко Семеном Кириковичем?»

«За кого они нас принимают? — рассуждали между собой ремстроевцы. — Разве не Семен Кирикович первым будет читать наши ответы? Нашли олухов!..»

Три дня изучал начальник конторы наши анкеты. Наконец собрал всех на беседу. Не было только Пересядьки: он, как только анкету заполнил, в командировку отбыл.

— Ну, что ж, — начал Свирбиченко, — я думаю, что в целом мы поработали неплохо. Чувствуется, кадры у нас подобрались мыслящие, знают что к чему. В главке, надеюсь, сделают правильные выводы, дадут правильную оценку.

Все облегченно вздохнули.

Но тут Свирбиченко вытаскивает одну анкету.

— Дело это, конечно, сугубо личное: кто что хотел, то и написал, но...

Он умолк и посмотрел прямо в глаза своим подчиненным:

— ...но нашелся-таки один интеллеktуал, который написал: «Я бы не хотел в дальнейшем видеть товарища Свирбиченко Семена Кириковича руководителем нашей конторы».

Все похолодели. А начальник с нескрываемой иронией спросил:

— А где наш герой и храбрец Пересядько Ларион Леонидович? Охаять руководство он может, а взглянуть в глаза возмущенной общественности не отваживается!..

И в этот самый момент входит Пересядько. Из командировки, значит, возвратился. Другой бы черт-те куда сбежал после эдакой анкеты, а Пересядько как ни в чем не бывало присаживается на свободный стул и пытается пожать руки сидящим рядом. Те, конечно, его руки не замечают, отворачиваются, а Семена Кириковича аж трясет от подобного нахальства.

— Итак, уважаемый товарищ Пересядько, — говорит Свирбиченко, — впредь вы, значит, не желаете работать со мной в одной конторе?

— Да, Семен Кирикович, — спокойно отвечает Пересядько. — Не желаю.

От такой неслыханной наглости у Свирбиченко отвалилась нижняя челюсть. Он стоял перед всем коллективом с широко открытым ртом, а внутри у него что-то булькало и шипело, как в испорченной стиральной машине.

на стр. 8

ИЗ ЗАЛА-
СЮДА!

ФАКИР НА ЧАС

Сначала были одни аплодисменты и одна зарплата, которая позволяла сносно жить, но не увязывалась с материальными соблазнами. А хотелось не только аплодисментов.

И тут подвернулся мальчик.

— Хочешь работать концертмейстером нашего коллектива? — без обиняков спросил Виталий Яковлевич Бачериков — режиссер-постановщик Ивановского народного цирка.

Шестнадцатилетний В. Павленко от неожиданности часто заморгал глазами, стараясь уразуметь смысл незнакомого слова. Но, поняв, спросил:

— А что придется делать?

— Дважды в месяц приходите за зарплатой...

— И все? — воспрянул духом отрок.

— Нет, не совсем: приносить эти деньги мне. Пораскинув умом, юнец согласился.

Трюк «Подставное лицо» прочно вошел в дальнейший репертуар уголовно-наказуемой программы. Вслед за В. Павленко роль лжеконцертмейстера успешно исполняли другие несовершеннолетние. Не достигший зрелости В. Укладов стал числиться в не менее почетной должности методиста Дома народного творчества, а четырнадцатилетней Г. Крюковой пришлось довольствоваться лишь должностью уборщицы. Впрочем, через пару лет и она дослужилась до концертмейстерского звания.

Но махинации с кадрами — это еще не самый коронный номер режиссера-постановщика народного цирка. Демонстрировались и другие трюки, которые были вполне на уровне мастерства братьев КИО. Бачериков обладал способностью в один и тот же день и в один и тот же час находиться в разных местах, руководя при этом несколькими цирковыми кружками. Считалось, что в Ивановском государственном университете, в областном управлении профтехобразования, в

текстильном институте цветет цирковое искусство. Таким волшебным образом Виталий Яковлевич получал несколько зарплат.

Расширяя репертуар выступлений, В. Я. Бачериков стал устраивать на кружковую работу и своих молодых воспитанников, четко разграничивая обязанности: он помогает им составлять липовые отчеты, а они ему отдают зарплату.

Как-то режиссер-казначей приобрел для себя 1333 тома художественной литературы, оформив их в магазине как покупку канцелярских принадлежностей.

Другие ловкие трюки с использованием в коммерческих целях служебного автобуса, присвоение и незаконное списание материальных ценностей также оборачивались теми желанными благами, о которых Виталий Яковлевич сладко мечтал в начале цирковой карьеры. Режиссер ведь еще был и автолюбителем. За пару лет он успел сменить три автомашины, остановившись наконец на «Волге ГАЗ-24».

Уголовные махинации Виталия Яковлевича всплыли на поверхность, и в областном управлении культуры забеспокоились. Некоторые стали упорно утверждать, что режиссер-постановщик владел не только акробатикой, а и гипнозом. В таком случае первыми загипнотизированными оказались бывшие начальник управления Н. В. Таганов и его заместитель А. Д. Лесик. Правда, гипнотическое состояние не помешало последнему погреть руки за счет народного цирка. И начальник планового отдела А. М. Никонова, находясь в таком же невменяемом состоянии, ухитрилась с помощью подследственного положить в карман около тысячи рублей.

Чары факира действовали безотказно. Видимо, поэтому с поступающих на работу не требовали документов, не проверяя, списывали ценное имущество, принимали к оплате явно подозрительные счета, открывали свободный доступ к печатям и служебным бланкам, спокойно подшивали липовые отчеты.

Но когда все иллюзии рассеял приговор областного суда, аплодисментов слышно не было.

И. МАРТЬЯНОВ.
гор. Иваново

— Батюшка-то наш в последнее время сумлеваться стал!

Рисунок
В. МОХОВА 7

Пересядько же, беззаботно усмехаясь, продолжал:

— Семен Кирикович, позвольте мне откровенно сказать все, что я о вас думаю. Это возмутительно, чтобы такого человека вот уже два года держали на должности начальника конторы!.. Все наши подчиненные это видят, понимают, но ни у кого язык не поворачивается сказать правду в глаза!.. Им за вашей, Семен Кирикович, широкой спиной как за каменной стеной. И думать ни о чем не надо: вы за них думаете. Да вас бы в главк, в министерство!.. А они тут, наверное, понаписали в анкетах: «Пусть Семен Кирикович и впредь нами руководит!», «Не отпустим его, он нам как отец родной!» Так?

— Так! — выдохнул Свирбиченко и перестал булькать.

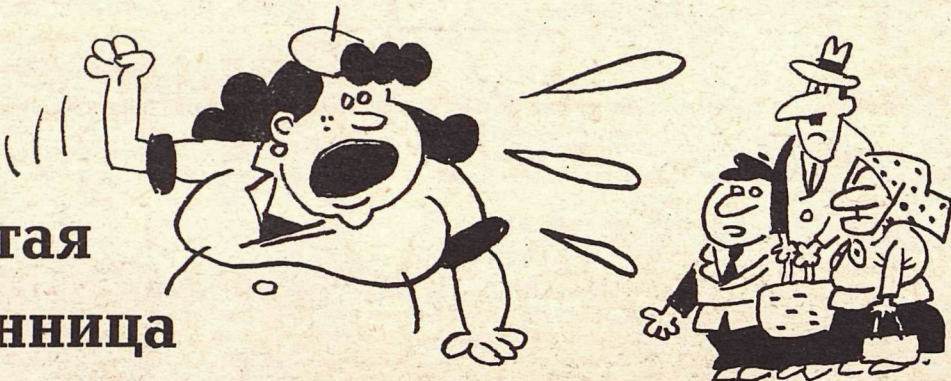
— А я, — выкрикнул Пересядько, — решил: будь что будет! Мне терять нечего. Ради большого дела я, маленький, рядовой сотрудник, готов пострадать. Извините, если что не так в анкете написал, но больше молчать сил не было. Не мог больше молчать! А теперь... Теперь сделайте со мной что хотите!..

— А-а-а! — протянул Семен Кирикович. На следующий день он сделал Пересядько своим заместителем. Первым.

С украинского перевел
Ян ОСТРОВСКИЙ.

Леонид ЛЕНЧ

Внучатая племянница

Древняя бабка Пелагея Григорьевна Камчалова, доживавшая свой век в такой же ветхой, как она сама, лесной деревеньке, приехала в большой город повидаться с внучатой племянницей — единственной своей родственницей.

Ульяну бабка давно не видела, знала лишь, что работает она в магазине, живет хорошо, при цветном телевизоре.

На письмо бабки с запросом-просьбой о свидании Ульяна ответила коротко и не очень вразумительно:

«Приезжайте, тетя-бабушка, милости просим, но заранее вас прошу не предъявлять ко мне особых претензий на стопроцентное внимание к вашей особе, поскольку я нахожусь на нервной работе, а личная моя жизнь крайне запущенная».

Господи, да какие там у бабки могут быть особые претензии к Ульяне? Никаких! Просто хочется поговорить, посоветоваться по-родственному, как ей, бабке, дальше жить на свете: то ли переселиться в новый, благоустроенный поселок на центральную усадьбу колхоза, то ли оставаться куковать вместе с другими такими же упорными стариками и старухами в полупустой деревне, где вся ее жизнь прошла? Конечно, самой надо такие вопросы решать, но недаром ведь говорится: ум — хорошо, два — лучше, а три — плохо!

...Приехала бабка в город, добралась до Ульяниного дома, в лифт не пошла: «Еще сверзится!». Потопала — с передышкой — на шестой этаж своими ногами.

Взобралась, позвонила в квартиру. Отворила

дверь страхолюдина, видать, Ульянина соседка. На голове из волосьев торчат круглые железки вроде как бы патроны, на личике белый крем аж навалом, байковый затрапезный халат одет нараспашку на нижнюю синтетику мухоморного цвета.

— Вы, наверное, бабушка Пелагея? К Ульяне Михайловне?

— Да, это я... к ей!

— Она велела вам передать, чтобы свои вещи вы тут оставили, а сами ступайте пока к ней в ее магазин, это недалеко.

— Не найду я, пожалуй, ее магазина!

— Я вам адрес запишу на бумажку, остановите кого-нибудь на улице, люди прочтут и покажут.

Страхолюдина ушла к себе в комнату и тут же вышла с бумажкой в руке.

— Вот возьмите! За вещи свои не опасайтесь, никуда не денутся!

«Ну это, положим, шалишь, матушка!» — подумала бабка, но все же оставила страхолюдине кулек с гостинцами для Ульяны: три нитки сушеных боровиков, малины тоже сушеной от простуды в целлофановом пакете да банку квашеной капусты собственного изготовления. А чемоданешко со своими пожитками взвалила себе на молодецкое плечо и пошла.

Страхолюдина ничего ей не сказала, только губы скривила недовольно.

Выходит бабка с чемоданом на плече на улицу, а там не то происходит массовый кросс, не то где-то что-то горит: все бегут, все торопятся сломать голову, одни сюда, другие туда.

Бабка, изловчившись, ухватила одного бегуна за рукав.

— Милый человек, помоги найти адресок!

Бегун посмотрел на бабку очумелыми глазами, буркнул: «Я, бабушка, сам приезжий, ни синь пороку тут не знаю!» — рукав свой из бабкиных пальцев вырвал — и был таков!

Другой бегун прочитал записку и стал перед бабкиным носом пальцами вертеть. Он вертит пальцами, а бабка глазами хлопает. Потом догадалась — на глухонемого гражданина наскочила. Чемодан на плече поправила и пошла дальше.

Спасибо городской старухе бегунье — ее бабка на бегу за авоську удержала. Старуха — своя сестра! — выручила:

Работа сатирика вовсе не такая, которую можно ограничить рамками времени «от» и «до».

Сатирик остается сатириком по ту и по другую сторону редакционного подъезда. Ведь гениальная идея может озарить его не только в формально служебное время.

Илья
ШАТУНОВСКИЙ

Поэтому сатирик никогда не расстается со своим блокнотом. Он записывает пришедший ему в голову занимательный сюжет, веселую историю, которую узнал, меткую фразу, которую услышал...

УЗЕЛКИ на память

На Востоке считалось, что жена будет работать на мужа, поэтому за нее платили калым. На Западе считалось, что муж будет кормить жену, поэтому за нее давали приданое. Кое-где считают, что продавец существует для покупателей. Бытует также мнение, что покупатель существует для продавца.

Шпион собирает к себе гостей и говорит:

— Господа! Сегодня можете говорить откровенно и обо всем. Я не заплатил за электричество, и у меня выключили свет. Поэтому ни одно записывающее устройство не действует.

Он стал писать настолько плохо, что его новые рассказы воспринимались как пародии на старые.

Хорошо устроился. Бросил жену с двумя дочками, женился на женщине с двумя девочками. Алиментов на своих детей платит меньше, чем получает на чужих.

Сослуживец получил квартиру, но не зовет на новоселье:

— Нам еще не дали горячей воды.

— Но откуда ты взял, что мы придем к тебе купаться!

Остаканись, мгновение!

Двухметровые мальчики баскетбольного тренера уж не устраивали. Он мечтал о трехметровых.

Приемник страдал недержанием волны.

Телепатия.

Идеал модницы: иметь собственный вес, максимально приближенный к весу скелета.

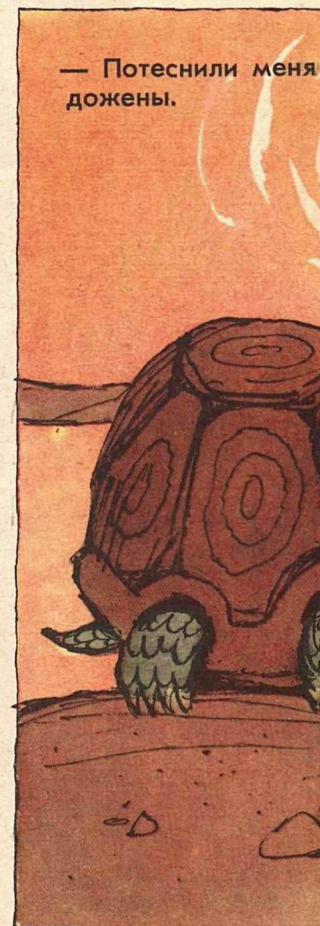
Умело лавировал между статьями уголовного кодекса.

Модельеры призваны одевать женщин. Они же все время стараются их раздеть.

Любовное письмо было написано крупным, размашистым почерком молодой девушки, которая не умела еще экономить ни бумаги, ни своих чувств.

МОЛОДО— ЗЕЛЕНО...

— Потеснили меня дождень.

— Да вон ныряй, голубка, в подземный переход, на той стороне вынырнешь, как раз направо за углом будет твой магазин «Продукты».

— А нельзя мне прямо через улицу сигануть, неохота ступеньки считать в переходе вашем!

— Можно,— сказала городская старуха,— только в этом случае тебя транспорт задавит. Или под великий штраф угодишь, если живой останешься!

Добралась наконец бабка до Ульяниного магазина, вошла, а там большой бой кипит. Народ топчется у прилавка, а женщина-продавец от него отбивается и всех подряд пушит. Пригляделась бабка: господи, да это же ее Ульяна с народом сражается! Беретка синяя на одном ухе висит, от щек хоть прикуривай, рот ни на секунду не закрывается — глядеть и то страшно.

Один в очках, в меховой шапке сказал ей:

— Мы на вас коллективную жалобу напишем за то, что вы такая нехорошая грубиянка.

А Ульяна емв:

— Ой, как я испугалась вашей жалобы! Ой, я сейчас от страха в обморок упаду!

И на весь магазин как гаркнет:

— Касса, выбей мне еще десять человек — и на этом стой машина!..

Стоит бабка в магазине, размышляет, как же ей пробиться к Ульяне сквозь этот бой. И вдруг подходит к ней тот мужчина в очках, в меховой шапке, в руках держит тетрадь со шнурком, говорит:

— Вы тоже слышали, как продавщица-грубиянка кричала здесь на народ, если пожелаете, можете вместе со всеми подписать жалобу на нее. Я вам прочту, что тут написано.

Прочитал. Бабка говорит:

— Но я ведь приезжая!

— Ничего, бабушка, напишите, откуда приехали.

Бабка взяла у мужчины в очках авторучку, подумала, повздыхала и написала в тетрадке:

«Все правильно тут написано. Приезжая П. Камчалова. Тетя-бабушка этой грубиянки».

Вышла бабка из магазина, дошла до спуска в подземный переход и... не стала спускаться! Кое-как залезла в нужный ей автобус и покатила на железнодорожный вокзал. К ночи она уже была дома, в своей деревеньке.

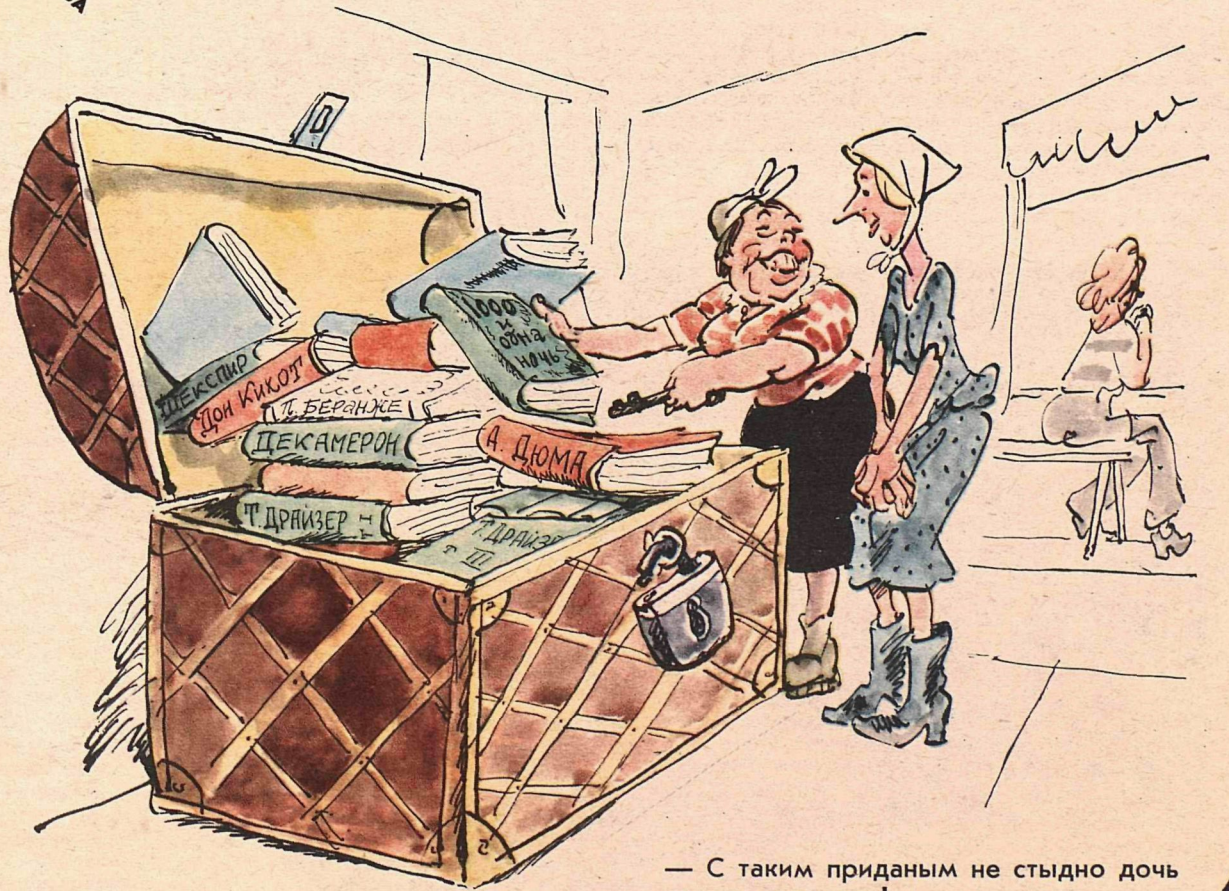
— Опять внука на родителей бросила, в театр спешит...

Рисунки

Б. САВКОВА

А. ЕЛИСЕЕВА,

Ю. УЗЬЯКОВА

— С таким приданым не стыдно дочь замуж выдавать!

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ПАЛАЧАМ

В городе Дюссельдорфе идет суд. Нет, не идет, а ползет, как сонная полузаморзшая змея. И не торопится праведно покарать палачей страшного лагеря уничтожения Майданек. Сонливость западногерманской Фемиды вызывает возмущение во всем мире. Равно как и ее снисходительность. Например, в 1977-году из двух тысяч семисот шестнадцати обвиняемых в нацистских преступлениях только семь человек, встав со скамьи, проследовали в здание с зарешеченными окнами. Остальные разошлись по домам. И еще долго ворчали, сетуя на причиненное им беспокойство.

Наш корреспондент Лев Скамейкин побывал в ФРГ и побеседовал с одним из ворчунов — бывших надзирателей в Майданеке, герром Тодтом.

— Возмутительно и бесчеловечно! — заявил герр Тодт. — Сколько лет уже прошло после окончания второй мировой войны, а нас, бывших служащих Освенцима и Майданека, мирно проживающих на территории ФРГ, все еще не хотят оставить в покое.

Правда, во многих случаях судьи проявляют гуманность, и чаще всего мы отделяемся легким испугом, но вся эта возня нам порядком надоела.

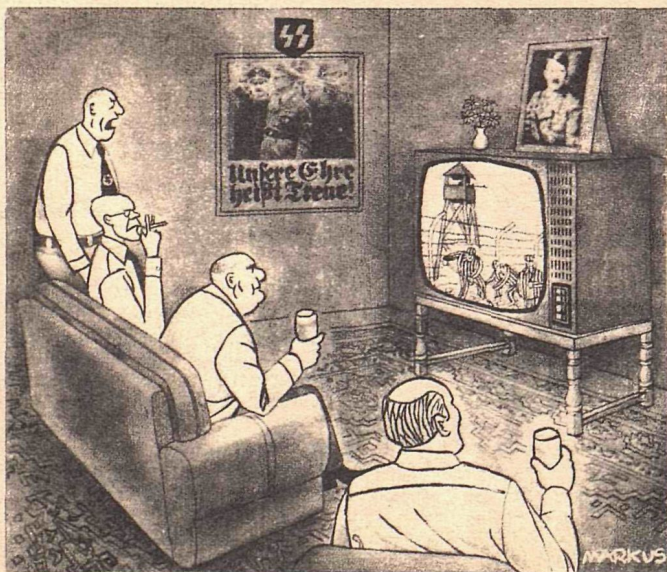
Действительно, ну что привязались к несчастным людям? Разве мы не заслуживаем снисхождения и сострадания? Дни и ночи стояли мы на вахте в лагерях смерти. Бесконечные эшелоны с заключенными, которых надо было немед-

ленно сортировать: кого в газовую камеру, кого сначала на каменоломни, а потом уже в газовую камеру и печь. А работа у печей! Разве это не вредное производство? Может быть, некоторые думают, что нам выдавали молоко за вредность? Как бы не так! Только шнапс. Мы трудились в поте лица. Без выходных дней, без отпусков. Правда, сверхурочные хорошо оплачивались, а работа по выходным дням шла по двойной ставке. Но сколько надзирателей простужалось, когда от печей выбегали на свежий воздух!

А какие кошмары мучили нас по ночам! Лично я каждую ночь просыпался в холодном поту — мне снился один и тот же страшный сон: будто я отправил в печь очередного заключенного, забыв вырвать у него золотые коронки! Просыпаясь, я судорожно нащупывал клещи и, найдя их, вновь засыпал глубоким сном праведника.

И вот сегодня нас, бедных пожилых людей, которые в годы войны проявили такой высокий дух и продемонстрировали истинно арийские качества в выполнении миссии фюрера, продолжают тягать по судам! Разве это не возмутительно? Не бесчеловечно?

Чтобы читатель не подумал, будто наш корреспондент Лев Скамейкин неточно отразил умонастроения бывших нацистских палачей, благоденствующих в ФРГ, приводим графическое свидетельство — карикатуру из западногерманского журнала «Штерн».

— А о том, что мы постоянно простужались на сторожевых вышках, на вечном сквозняке, об этом, естественно, сегодня никто не заикается!

Мих. ДВИНСКИЙ

Пекинские «модернизации»

Пророк-наследник так изрек:
«Мы в пику банде
четырех
Наметим без уныния
Четыре новых линии!»

Сперва друзей
пообновим —
Без самоугрызения.
Что дружба старая!
Лишь дым.
Нужна посовременнее.

Модернизация идей!
Чураться ль разной
нечисти!
Ласкаем друга тем
нежней,
Чем он антисоветистей.

Возлюбим же горилл
из хунт
И ястребов неистовых!
И флирт с ЮАР совсем
не худ...
И шашни
с реваншистами...

Модернизировать пора
Всю внешнюю политику.
В атаку! В драку! В бой!
Ура!
Пожары запалите-ка!

Конечно, сдачи могут
дать —
Бывали прежде случаи.
Вот и не так давно опять
Затрещины получены...

Но пусть намяли нам
бока —
С ушибами считаться ли,
Коль за рога берем быка
Большой модернизации!

Эх, Чингисхан!
Ох, Тамерлан!..
Вы многого не поняли.
Нет, лишь модерный
богдыхан
С великой сладит
бойнею!»

И сверхимперия —
модерн
Уже пророку грезится...
Средневековую модель
Он подновляет
с резвостью.

Но неминуемая судьба
Всем ордам уготована:
Как чингисхановым —
труба,
Так и модернизированным!

Скажи мне, какие книги ты читаешь

О вкусах не принято спорить. Одни, например, посвящают все свои досуги чтению книг, некоторые чудаки читают даже в вагонах метро или в троллейбусе. Умудренная опытом 53-летняя Маргарет Тэтчер, лидер консервативной партии Великобритании, не разделяет подобных увлечений. Недавно в интервью на вопрос, какие книги она прочла в 1978 году, Тэтчер лаконично ответила: «Я никогда не читаю книг».

СПРАВКА «ВСИТ»: в последнем правительстве консерваторов миссис Тэтчер занимала пост министра просвещения.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ЗАГАДКИ

Место действия — город Йоганнесбург (Южно-Африканская Республика). Судебный зал. Это — общее в двух загадках. Все остальное — разное.

Загадка 1. Обвиняемый Аарон Скоцана. Преступление — вел машину «как сумасшедший». При столкновении повредил машину молодой женщины. Владелица, однако, осталась жива и невредима. Трое свидетелей подтвердили, что после столкновения Аарон Скоцана вел себя «дерзко и оскорбительно». Приговор — семь лет тюрьмы.

Вопрос — почему так много!

Загадка 2. Обвиняемый Вальтер Ульрих Приггс. Убил двадцатидвухлетнюю Белину Куен, беременную на восьмом месяце. Фактически двойное убийство, ибо погиб и нерожденный младенец. Судья не допустил в зал многочисленных свидетелей, желавших дать показания. Приговор — год тюрьмы.

Вопрос — почему так мало!

Ответы:

1. Аарон Скоцана — негр. Пострадавшая, свидетели и судья — белые.
2. Вальтер Ульрих Приггс и судья — белые. Белина Куен и свидетели — черные.

СОЛНЦЕ И ИНФЛЯЦИЯ

Во Флориде консервируют не только морскую рыбу или фруктовые соки. Имеется в продаже и «Консервированное флоридское солнце». На жестяной банке наклеена картинка — сверкающее над Флоридой солнце. Текст информирует покупателя, что в банке «60 процентов чистого флоридского солнца, 28 процентов свежего флоридского воздуха и 12 процентов тропического ветерка». Из года в год тысячи американских туристов покупали эти шуточные «сувениры». Но если еще летом банка стоила 1 доллар, то теперь цена пустой жестянки — 1,5 доллара! Интересно, что же вздорожало на 50 процентов — солнце, воздух, ветерок или банка с раскрашенной бумажкой!

Дымовая завеса

— Господин сержант, у меня вопросик, — обратился новобранец Джеффорд к своему командиру сержанту Старку.

— Валяй, — разрешил тот.

— Не кажется ли вам, что генеральный секретарь НАТО Лунс — законспирированный коммунист?

У сержанта отвисла нижняя челюсть.

— Ты что, рехнулся?

— Кажется, нет, — залепетал рядовой. — Вы ведь знаете, что нам, американским солдатам в ФРГ, выдали карманный справочник «О поли-

тическом и военном положении». В нем-то я и вычитал, как нужно распознавать коммунистов.

— Ну? — угрюмо промычал сержант.

— Там сказано, что «отличительной чертой коммунистов является то, что они требуют мира». А в последнем номере бюллетеня НАТО «Нувель атлантик» написано, что генеральный секретарь НАТО мистер Лунс — поборник мира и демократии. Вот я и заподозрил, что он...

— Рядовой Джеффорд! — рявкнул сержант Старк. — Зарубите себе на носу, что мистер Лунс коммунистом не был и становиться им не собирается. Все как раз наоборот: он состоял членом фашистского национал-социалистского движения Голландии. Иными словами, Лунс — бывший нацист. А вся эта писанина в «Нувель атлантик» про то, что Лунс поборник мира, — маскировка, камуфляж, дымовая завеса, понял? Знаешь, для чего создается дымовая завеса? То-то же!

Сработанный Вашингтоном египетско-израильский «мирный договор» предусматривает непосредственное размещение американских войск на Синае.

СТАВЯТ НА КАРТУ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Мой сосед по купе экспресса «Урал» оторвался от газеты и воскликнул:

— Представляете, какой сервис? Кончились наши муки. Отныне нам не нужно падать на колени перед администраторами гостиниц и выклянчивать койку. Вот послушайте: «Данные о наличии свободных мест теперь хранятся не у администраторов, как прежде, а в памяти ЭВМ. Любой гость города может поговорить с машиной через аппараты, размещенные в гостиничных холлах, узнать, где можно остановиться, попутно забронировать место».

Меня, человека, испытавшего много мытарств в поисках гостиничной крыши над головой, кровно заинтересовала эта информация.

— Простите, о каком сказочном городе идет речь? — заикаясь, спросил я.

Попутчик протянул мне номер свердловской газеты «Уральский рабочий».

«Сохранено хорошее настроение, — сообщалось в статье, — ЭВМ на пульте города... не потрачены силы на бесплодные хождения от одной гостиницы к другой — АСУ гарантирует сервис...»

Как только фирменный экспресс достиг Свердловска, я прыгнул на платформу и, расталкивая носильщиков и пассажиров, помчался в известную уже мне гостиницу «Центральная». В холле за стойкой администратора я увидел отличающийся перламутровой краской аппарат с экраном, как у телевизора, и клавиатурой, словно у электрооргана. Очевидно, это была та самая машина, которая призвана гарантировать сервис. Будто зачарованный, я приблизился к электронному чуду и нажал какую-то кнопку.

— Гражданин, что вам нужно? — раздался звонкий металлический голос.

— Она разговаривает! — обрадовался я и, приложив ладони к груди, попросил: — Машиночка, дорогая, мне нужен односторонний номер.

— Свободных мест нет! — снова прозвучал металлический голос. — И не трогайте там ничего, гражданин! Я, кажется, к вам обращаюсь!

И тут я понял, что металлический голос принадлежит не машине, а миловидной женщине, которая оказалась администратором О. Г. Борисовой. А рядом с традиционным администратором красовалась до боли знакомая гостиничная вывеска «Свободных мест нет».

— Позвольте, но данные о наличии свободных мест теперь дает ЭВМ, — возмутился я.

— Мало ли что она дает! — вспыхнула Борисова. — Отойдите от машины, гражданин. Она, между прочим, триста пятьдесят тысяч стоит. Но работает не для клиентов, а для горкомхоза.

Совершенно обескураженный, я побежал жаловаться на администратора в свердловский горкомхоз.

— Надувательство! Что же вы хвалитесь в газетах? — упрекнул я начальника горкомхоза Е. М. Колтышева. — Где ваш хваленый электронный сервис?

— ЭВМ работает как часы, — заверил Колтышев и проводил меня в вычислительный центр, где тоже стояла знакомая мне машина. — Давайте, к примеру, включим хотя бы гостиницу «Исеть».

Начальник горкомхоза нажал соответствующие клавиши, и на экране мгновенно вспыхнуло табло «Свободных мест нет».

— Вот вам, пожалуйста, электронный сервис в действии, — торжествующе провозгласил Колтышев. — Одно нажатие кнопки — и уже ясно, что топать в гостиницу «Исеть» нет никакого смысла. Конечно, ЭВМ для нас — машина будущего. Вы только представьте, какой широкий выбор предложит она командированным, когда в нашем городе будет полностью решена гостиничная проблема!.

В погоне за модными образцами сервиса работники свердловского горкомхоза даже обогнали время. Машина будущего успешно внедрена. И теперь к безотказно действующей автоматической системе управления осталось пристроить несколько современных гостиниц. А пока ЭВМ стоимостью в триста пятьдесят тысяч рублей просто дублирует традиционную гостиничную вывеску.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

На встречу с русским читателем вышел видный латышский писатель-сатирик Андрей Скайлис, ранее опубликовавший на своем родном языке несколько книг, в частности «Смертельное оскорбление», «Воры окаянные» и другие. Лучшие рассказы из этих изданий в переводах Рема Трофимова составили сборник «ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧ», выпущенный издательством «Советский писатель».

* * *

В издательстве «Советский писатель» вышла новая книга старейшины нашего цеха Леонида Ленча «ДУШЕСПАСИТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА». В сборник вошли фельетоны, направленные против бюрократизма и карьеризма, пошлости и нечестности и других отклонений от норм нашего общества, рассказы и очерки. В книге опубликованы также рассказы о встречах писателя с коллегами по цеху О. Вишней, А. Буховым и другими.

г. Свердловск

ВИЛЫ В БОК!

Дежурный по вилам
Андрей НИКОЛЬСКИЙ

Девятый вал

Если пройти по нашим магазинам, то прямо дух захватывает от обилия товаров ширпотреба! В этом отношении легкая промышленность напоминает безбрежный океан. Причем такой океан, как на прекрасной картине Айвазовского под названием «Девятый вал».

Вот страшный провал между волнами, и нельзя без трепета смотреть в бездну. Это значит: настал период, когда на прилавках нет зубных щеток. Или носков. Или фотобумаги. Или еще чего. Но следом идет гребень высочайшей волны. Это значит, что фотобумаги наделали столько, что пишутся фельетоны о том, что ее некуда девать.

Торговля пускается на любые ухищрения, чтобы избавиться от завалов, уже не хватает проявителей и закрепителей, дабы обработать хоть часть этой дефицитной продукции.

Нынче настала очередь электрических лампочек. Они куда-то пропали. Это уже грозный сигнал, потому что тут страдают не какие-то одиночки-фотографы или любители чистить когда надо и не надо свои вставные зубы. Это уже дело государственное.

Вот, например, наш читатель тов. Амурский из города Сердобска Пензенской области пишет, что на заводе из-за этого плохо освещены производственные места, снижается производительность труда. Недавно, сообщает тов. Амурский, в коровнике совхоза «Пригородный» перегорела последняя электрическая лампочка. Скотники и доярки стали пользоваться керосиновыми фонарями. И даже коровы объявили своеобразный протест — меньше стали давать молока.

Читательница тов. Половинкина из Красноярска пишет, что там уже больше двух лет нет в продаже этих необходимых для жизни приборов. Не освещены подъезды, темно на лестничных площадках. Тов. Половинкина просит поместить в журнале объявление, что она меняет стеариновую свечу и керосиновую лампу на одну электрическую лампочку.

Работники завода пиво-безалкогольных напитков из города Михайловка Волгоградской области, старший экономист Золотко и главный механик Андрианов пишут, что рады бы купить лампочки для завода за наличный расчет, да негде. В цехах висит по одной лампочке, а где и во-

все темно. Это уж, граждане, прямые страсти! Потому что в темноте можно такого пива наварить, что и не протрезвешь!

Таких писем можно цитировать много. Приходят они в редакцию со всех концов. Но пора было бы сказать и почему это происходит.

Вот, например, Пензенская база «Росхозторга» неоднократно обращалась к поставщикам (Московская и Брестская базы), и в народный контроль, и в Республиканскую контору «Росхозторг», но толку, как видите, нет. Несвоевременно поставляют электрические лампочки Армянская и Киргизская базы «Хозторга». Единственно выручала в первом квартале прошлого года Мордовская база, за что ей горячее спасибо.

А пока базы спорят, рядовых граждан, жаждущих купить лампочку, можно уподобить потерпевшим кораблекрушение на той же картине Айвазовского. Только ждут они приближающийся вал не со страхом, а с упованием.

БИЛЕТ ПРОДАЕТСЯ ПО ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ПАСПОРТА».

По-моему, после такого призыва холостякам ничего не оставалось, как спешно направляться в этот клуб. И четыре симпатичные дамы, отвечавшие абсолютно всем требованиям, незамедлительно помчались к кассе. Однако билетов на этот первый вечер уже не было. Дамы нетерпеливо спросили, нельзя ли купить билеты на второй. Кассирша терпеливо разъяснила, что в клубе «Робкая надежда» действительно существует книга записей и желающие могут открыть очередь в этой книге. Их вызовут открытками. Наши дамы немедленно записались и целый месяц дожидались вызова. Я думаю, их нетерпение понятно. Стоишь в очереди за ситцем, и то ждешь не дожدهшься, а тут все-таки очередь за женихом, а может быть, за мужем. А вызова все нет. И уж второй вечер состоялся, а вызова опять-таки нет.

И тогда наши очаровательные дамы в боевом порядке, соответствующем очереди, в какой были записаны, дви-

не приглашают! — кричали неженатые.

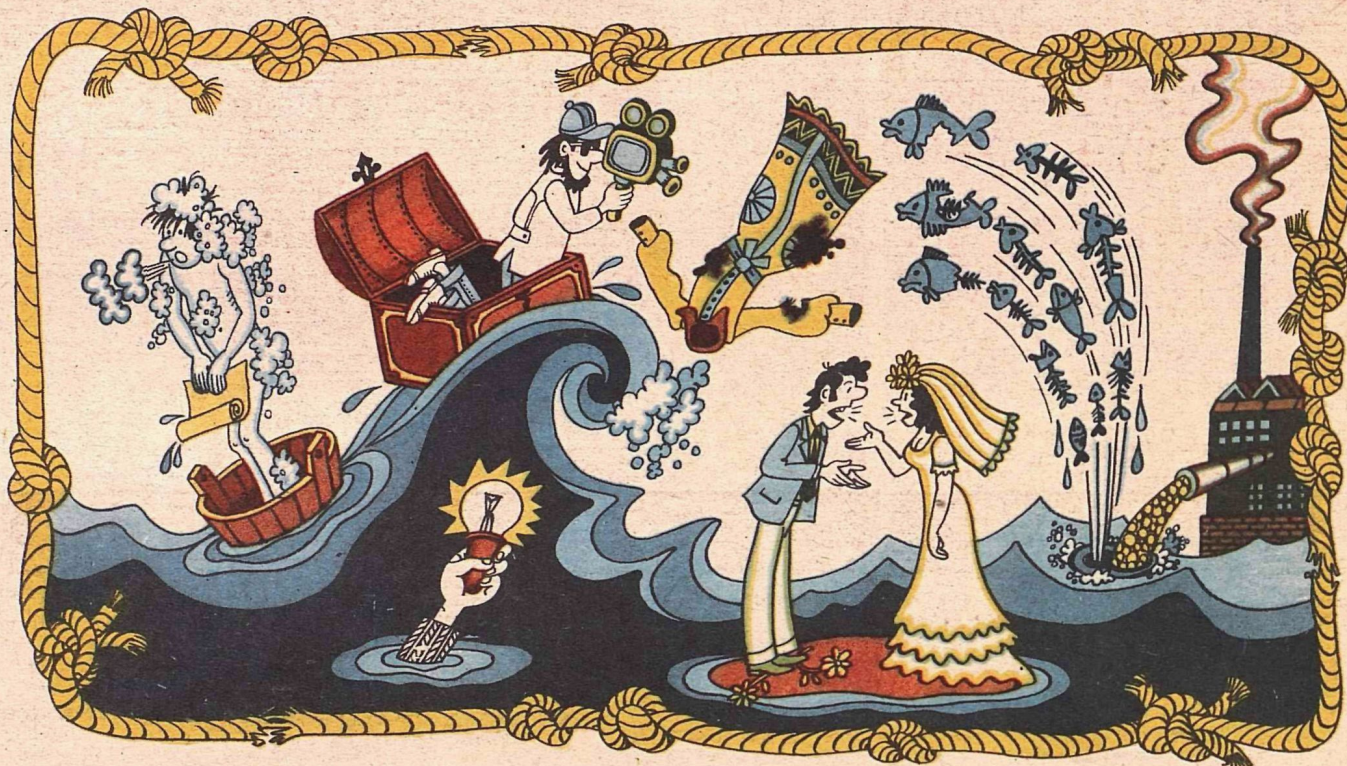
— Мы на вас в милицию напишем! — грозили незамужние.

Обошлось, к счастью, без милиции, хотя само счастье, возможно, прошло стороной.

Поддать пару

Критику, конечно, и сейчас мало кто любит. Это вам не тринадцатая зарплата. Но все же стараются не показывать своей антипатии. Чтобы не обвинили в плохом воспитании.

Но на местах у небольших руководителей иной раз сдают нервы, и они начинают сердиться на справедливые замечания. Вот, например, в газете «Советское Зауралье» была помещена заметка гражданина Новгорода о ряде недостатков в бане № 12 города Кургана.

А счастье было так возможно...

Сейчас социологи разводят руками: откуда, мол, у нас столько людей, неблагоустроенных в семейном отношении! Откуда эти незамужние, семь раз холостые!

В городе Донецке решили помочь таким неустроенным в части расширения сердечных знакомств. Поэтому во Дворце культуры самой большой шахты «Южная» был устроен специальный вечер отдыха. Это была, так сказать, премьера полезного мероприятия.

Афиша гласила:

«КЛУБ «РОБКАЯ НАДЕЖДА» ПРИГЛАШАЕТ НЕЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН И НЕЖЕНАТЫХ МУЖЧИН (не моложе 25 лет) НА СВОЙ ОЧЕРЕДНОЙ ВЕЧЕР ОТДЫХА.

НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЬЕ ПОЗДНИМ!

нулись во Дворец культуры, где в это время собирались члены комитета клуба «Робкая надежда».

Наших незамужних встретили четверо симпатичных мужчин, между прочим, тоже соответствующих требованиям афиши. Узнав, что нужно дамам, один строго сказал:

— Опять насчет билетов! А разве мы обязаны были вам билеты оставлять!

— А как же! — заволновались дамы. — Нечего было тогда афиши развешивать, книгу записей завести. А то афиши есть, а незамужним женщинам билеты не достать!

— Мы тоже холостяки! — закричал другой комитетчик. — Но клуб этот наш! Нам горсовет разрешил. А почему вы требуете, непонятно!

И вот, граждане эти, незамужние и неженатые, которые, возможно, были созданы друг для друга, вместо улыбок и комплиментов стали друг на друга орать. Причем без всякого повода и, если хотите, без особого смысла. Они переругались друг с другом.

— А вы в своем доме разве ко всем в гости ходите! Разве вас к себе

И вот, понимаете ли, директор Курганского банно-прачечного комбината Иванищев взял и оскорбился. Написал в редакцию и автору опровержение. Ну, нету слов, до чего я зол на этого Иванищева. Потому что опровержение свое он писал в таком стиле: скажем, в заметке говорится о перебоях с горячей водой и паром, а Иванищев объясняет причины перебоев с холодной водой. А это вещи разные. В бане, например, есть емкости, и если их наполнить своевременно, то перебоев с горячей водой не будет.

В заметке говорится о холоде и плохой работе котельной (в конечном итоге), а Иванищев ссылается на ГОСТы, в полном соответствии с которыми сделан в бане бетонный пол. В таком вот духе.

А в конце Иванищев пишет: «Как руководитель, прошу редакцию возбудить уголовное дело за оскорбление Новгородским коллективом и директором».

Я вот — знаю, в бане, например, в ходу такая формулировка: «Поддать пару!» По-моему, она вполне уместна и здесь.

Фейерверк над прудом

Раньше, говорят, по праздникам наши предки любили фейерверки устраивать. Над прудом взлетают бенгальские огни, катание на лодках и щебетание барышень на французском языке. Ах, красота!

Но в Ижевске, например, переплюнули предков по всем статьям и могут любоваться фейерверком не по праздникам, а каждый божий день. Пруд для этого там есть. Громадный пруд длиной в 12 километров. К слову сказать, из него город берет для питья воду.

А фейерверк устраивает металлургический завод. Он сваливает в этот пруд раскаленный шлак и всякие отходы. Горячие куски шлака и металла попадают в воду и в полном соответствии с законами физики взрываются почище бенгальских огней. Зрелище тоже получается впечатляющее.

Одна беда — рыба от этого фейерверка дохнет, и пруд гибнет прямо на глазах. А предкам, конечно, там нос утерли по части зрелищ. Ничего не скажешь.

Память о прошлом

Смотрю я на наше киноискусство, и грустно становится. Как-то мелькает оно, заземляется. Про фильмы я не говорю. Про это разговор особый. А вот, скажем, взять убытки, которые приносят съемки государству и гражданам. Даже тут, понимаете, все как-то мелькает.

Вот, помню, снимали фильм «Андрей Рублев». И можете себе представить: снимали пожар Покровского собора в городе Владимире, так пиротехники по-настоящему собор запалили. Чуть было бесценные фрески Андрея Рублева не пострадали. Вот это я понимаю, размах! Вот это, я понимаю, съемки!

А нынче какие-то мелкие фактики вырисовываются. Стиль, конечно, остался прежний. Стиль «на всех наплевательский». Но размах уж не тот. Нет масштаба.

Вот приезжают в село Аршаново Красноярского края два представителя: тов. Килижекова из Абаканского дома народного творчества и тов. Пиендерова со Свердловской киностудии. Поясняют, что для фильма «Год Беркута» нужна национальная одежда. Поскольку фильм повествует о революционном прошлом Хакасской автономной области. Ну, коли такое дело — население с дорогой душой. Местные старушки открыли сундуки, достали нужные костюмы и взамен получили сохраненные расписки. Только вышли из этого одни неприятности. Прошло почти два года, а старушка Доможаковой Домне Ивановне и Конгаровой Марии Егоровне одежду до сих пор не вернули. Другим отдали национальные платья все соевшие, прожженные... А ведь для людей эти костюмы — память о том же героическом прошлом, которое так старались воспроизвести на экране участники съемочной группы со Свердловской киностудии.

ВИЛЫ В БОК!

Рисунок
В. СПЕЛЬНИКОВА, г. Рязань

— Нет,
мой слон
намного
меньше!

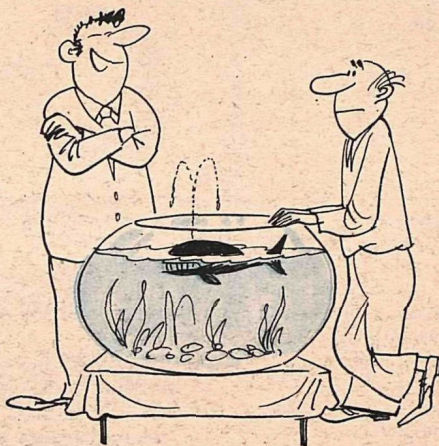

Рисунок
А. АЛЕШИЧЕВА

СТОЛОВАЯ

КОТ И ПОВАР

— Быстро домой
и обратно!

Рисунок
Е. ВЕДЕРНИКОВА

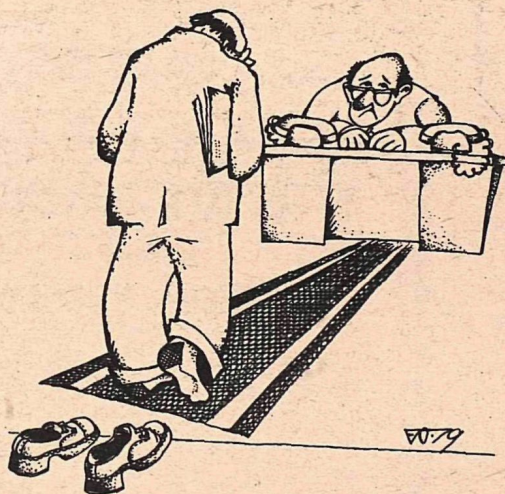

Рисунок Ю. ЕГОРОВА

Рисунок Н. МАЛОВА

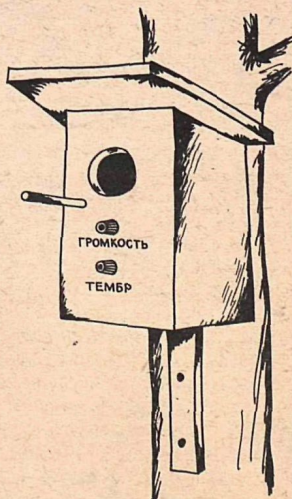
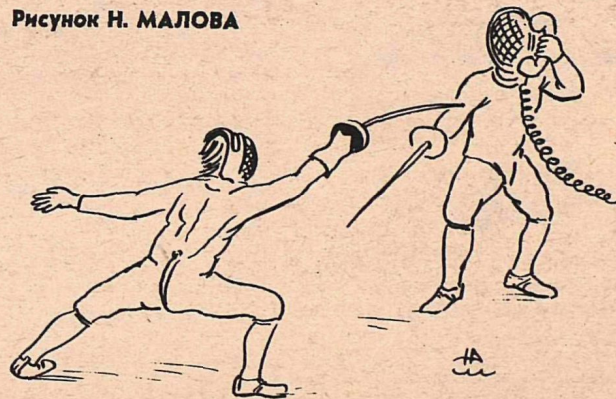

Рисунок П. КОЗИЧА,
г. Витебск.

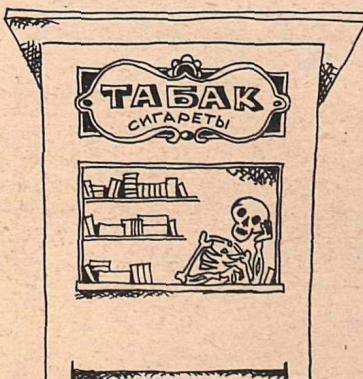

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

Рисунок Р. САМОЙЛОВА

Байрам САЛИМОВ
(к 50-летию со дня рождения)

Байрам родился в семье тринадцатым (несчастливым число), но в самый разгар лезгинского праздника Весны (счастливым день). Поэтому счастье в его жизни всегда берет верх над несчастьем. Во-первых, имя-то какое — Байрам (что значит «праздник»). Во-вторых, профессия — поэт. В-третьих, не только лирик, но и сатирик, что, впрочем, счастьем можно назвать весьма условно. Тем не менее Крокодил желает поэту с праздничным именем большого счастья, в том числе и сатирического.

Дружеский шарж
В. МОЧАЛОВА

ПОДАРОК БАБУШКЕ

Стихотворение юбиляра

Наша бабушка стара,
Но не ведает покоя,
Варит с раннего утра,
У плиты горячей стоя,
Драит стол, ножи, кастрюли,
Все хозяйство — на бабуле.
Сделать ей подарок в
праздник
Предложил однажды я.
Вариантов много разных
Обсуждала вся семья:
— Подарить дубленку ей?
— Но у ней полно вещей.
— Поднести часы «Полет»?
— Не наденет — в шкаф
запрет.

— Модный зонт купить в
подарок?
— Не к лицу — он слишком
ярк...
Мы ворочали мозгами.
Спор закончил брат Рашид:
А дадим-ка ей деньгами —
Что купить, сама решит.
Деньги бабушка взяла
И на них на все без шума
В тот же день приобрела
Полкило рахат-лукума...
В этом случае смешном
Мы виновны все отчасти:
Мы не знали об одном —
Что бабуля любит сласти!

Перевел с лезгинского Николай КНЯЗЕВ.

«На одной группе молодняка, в которой 54 головы, заболел скотник. Не оказалось постоянного человека для замены. В результате группа молодняка больше недели кормилась случайными лицами».

(Из письма в редакцию газеты).
Прислал П. Гаврилкин,
ст. Северская,
Краснодарского края.

«Сдавайте лыжи в приемное окно пятаками вперед».
(Объявление на лыжной базе).
Прислала М. Рогова, г. Москва.

«Раскольников убил старуху Изергиль».
(Из ответа ученика).
Прислал А. Лукшин, с. Макино,
Воронежской области.

«При вскрытии ящиков и проверке в них содержимого установлен сверхъестественный бой».
(Из искового заявления).

«При проверке товара обнаружены брачные надувные матрацы».
(Из искового заявления).
Прислала Т. Емшанова,
г. Москва.

В Залегощенский комплекс по откорму крупного рогатого скота из райпо пришло письмо с таким адресом:

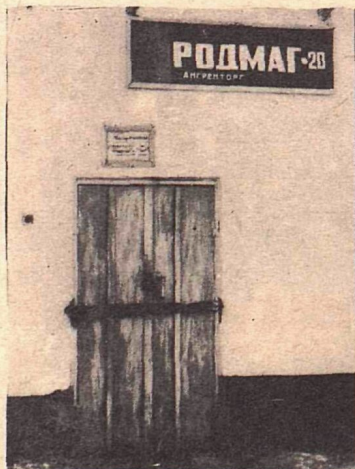
«п. Залегощь Залегощенскому крупно-рогатому скоту».
Прислал Д. Науменко,
Орловская область.

«Я, Рубцов Л. А., 4 января выпил на работе одну бутылку водки. Пил один и никаких претензий ни к кому не имею».

(Из объяснительной).
Прислал А. Валов, г. Свердловск.

«У меня и в мыслях не было тебя любить, но ты сам того добился».

(Из показания по бракоразводному делу).
Прислала Н. Стрелкова,
г. Чебоксары.

Прислали А. Абдулхаков
и Ж. Номозбоев, г. Ангрен,
Ташкентской области.

В ГОСТЯХ

У «КРОКОДИЛА»

БОЛГАРСКИЙ

ЖУРНАЛ

«СТЫРШЕЛ»

улыбки разных широт

Христо ПЕЛИТЕВ

СКАЗКИ, КОТОРЫЕ КОЕ-ЧТО ОБЪЯСНЯЮТ

Виноград и стрелы

Один крестьянин всю жизнь возделывал виноград.

Другой стрелял ему в спину из лука.

Хороший был виноград у первого. Второй завидовал и только и думал, как завладеть виноградником соседа.

Много стрел извлек из своей спины виноградарь. А когда их собралась целая охапка, он отнес их судье.

— Эти стрелы, — сказал он, — я извлек из своей спины. Ты судья, ты должен знать, у кого в нашем селе есть лук. Ты справедливый, так воздай ему должное!

Судья вызвал к себе владельца лука.

— Почему ты стреляешь из лука в виноградаря? — спросил он строго.

— Я стреляю из лука? Как ты можешь даже подумать такое? — возмутился владелец лука. — Посмотри

Х. ЧЕРЕМУХИН
ЗНАЙ НАШИХ!

Некий неизвестный автор послал пьесу в театр. Кроме того, что он был совершенно никому не знаком, он был еще и неопытен и поэтому отправил свое творение по почте. В театре пьеса пролежала два года в нераспечатанном конверте.

Однажды директору театра понадобилась бумага для черновика важного письма, а секретарша ушла за помидорами и заперла стол. Директор порылся в шкафу с архивами и обнаружил большой запечатанный конверт. В нем оказалась рукопись совершенно неизвестного автора.

«Отлично, — подумал директор, — текст отпечатан на одной стороне. Бумагу вполне можно использовать для черновика».

Директор вытащил ручку и собрался было набросать текст, но мысли его лениво разбрелись и никак не хотели выстраиваться в строчки

сам, у меня есть лук, но у меня нет ни одной стрелы. Все стрелы у виноградаря! Он копит деньги, чтобы купить себе лук и пристрелить меня.

Судья подумал и отдал под суд виноградаря за покушение на соседа. Потому что судья был справедливым. Ведь стрелы действительно были у виноградаря, а у его соседа — ни одной.

Старый осел

Один старик задумал жениться на молодой девушке. Стал он приглядываться. Красивых молодых хоть отбавляй, но никто на него и смотреть не хочет.

— Старый ты, — говорят ему, — на что тебе молодая девушка?

Стал старик раздумывать, как ему омолодиться, чтобы девушки им заинтересовались.

Думал, думал, ничего придумать не мог. И тут он заметил, что ослы вне зависимости от возраста целое лето гоняются за ослицами и те вроде им уступают.

Интересно, подумал старик, ослы питаются одним терновником, а целое лето имеют неизменный успех у ослиц...

Стал старик собирать терн. Высушивал его на солнце и закладывал в сарай. Когда сарай был переполнен, старик стал заваривать из терна чай и пил его утром, днем и вечером. Пил месяц, другой, третий, пока весь запас не иссяк.

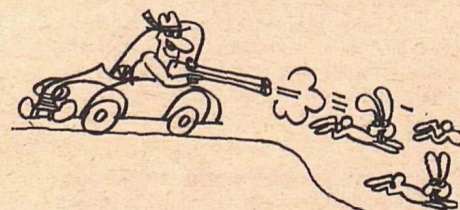
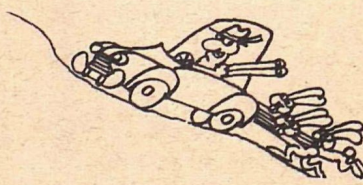
Однажды старик проснулся ни свет ни заря и поглядел в зеркальце, чтобы убедиться, достаточно ли он помолодел. И увидел он, что уши у него выросли, как у осла.

И тогда старик заревел на всю округу:

— Иа-а-а! И-а!

Сбежались соседи, спрашивают: — Чего ты реवेशь, как старый осел?

— Ре-ву-у-а, потому-и-а что только старый осел может питаться одними колючками и после этого еще гоняться за ослицами...

важной служебной бумаги.

Чтобы отвлечься, директор машинально перевернул листок и начал читать. Он прочел один листок, потом второй, третий. Пока секретарша стояла в очереди за помидорами, потом за брынзой и за импортными колготками, директор прочел всю пьесу.

— Интересная вещь,— сказал он секретарше, когда та вернулась, нагруженная покупками.— Вы не могли бы выяснить, кто такой этот Севастократ Гюрев?

— В первый раз слышу,— сказала секретарша.

— Надо выяснить. Может, это псевдоним. И потом, почему автор не сообщил ни своего адреса, ни телефона... Странно, очень странно. Такая отличная пьеса... Что бы это могло значить?

— Я сейчас наведу справки.

— Только, пожалуйста, не от имени театра. Мало ли что за этим кроется... Проверьте от имени... ну, скажем, электростанции. Мол, хотим знать, когда он погасит задол-

женность по счету.

Через полчаса секретарша доложила, что имя это невымышленное, что существует такой начинающий драматург, который не поставил еще ни одной пьесы.

— Отлично! — вскричал директор.— Мы будем первыми! Откроем его пьесой новый сезон.

Пьесу прочитал его заместитель.

— Это ваш человек? — осторожно спросил он шефа.

— Я с ним не знаком,— пожал плечами директор.

— Ах, всегда вы любите пошутить. Если это ваш человек, откроем его пьесой новый сезон. Если это действительно темная лошадка, пусть полежит еще годок.

— Да, но пьеса и так провалилась в шкафу два года.

— Где два — там и три,— философски изрек заместитель директора.— Но если вы настаиваете, что не знаете автора, передадим пьесу главному режиссеру.

Узнав, что автор никому не известен, главный режиссер пришел в

ярость:

— Пусть идет на телевидение, у нас храм искусства, а не проходной двор!

Директор вынес пьесу на обсуждение всего коллектива театра. Поскольку никто не знал автора, высказаться пожелали почти все.

Трагический актер потребовал введения трагических коллизий, чтобы зрители рыдали. Бригадир гардеробщиков посчитал необходимым сократить пьесу по крайней мере вдвое, чтобы спектакль кончался как можно раньше. Комическая старуха настаивала, чтобы в тех местах, в которых нет рыданий, в зале гремел хохот.

Автору надавали массу советов, причем большинство из них полностью исключали друг друга. Бледный, с испариной на лбу автор записывал все предложения и советы.

Когда обсуждение закончилось, заместитель директора пожал руку главному режиссеру.

— Ну-с, гарантирую, лет на пять мы от него избавились! Знай наших!

Алекси АНДРЕЕВ

Мысли велух

Человек не обязан верить во все, что он слышит, но может рассказывать это другим.

Любит литературу. Но не настолько, чтобы не писать.

Люди не прощают ошибок, которые они не сделали.

Зачем быть пунктуальным? Ведь пунктуальные всегда ожидают непунктуальных.

Георги ДРУМЕВ

Попугай Ара

Товарищ Нирев имел все. Не было у него только попугая. А так хотелось иметь дома нечто экзотическое, нечто такое, о чем можно было бы рассказывать всем и видеть в глазах гостей блеск восхищенной зависти.

Стоило товарищу Ниреву закрыть глаза, как он видел одну и ту же картину: вот он возвращается домой, усталый после важных заседаний и совещаний, усаживается в любимое глубокое кресло и смотрит на своего попугая. А попугай, весь переливаясь импортными красками, почтительно смотрит на хозяина и приветствует его иностранным словом «каррамба» или, допустим, «мамба».

А потом, когда приходят гости, попугай повторяет вслух мысли хозяина, и все плодируют автору мыслей и попугаю.

И когда товарищ Нирев почувствовал, что больше не может вытерпеть, он послал в зоомагазин своего шофера с наказом купить самого красивого попугая. Через час шофер вернулся. В клетке сидела великолепная птица, отливая синевой блестящих перьев. Птица молча посмотрела на товарища Нирева, товарищ Нирев — на птицу.

— А это хороший попугай? — строго спросил товарищ Нирев шофера.

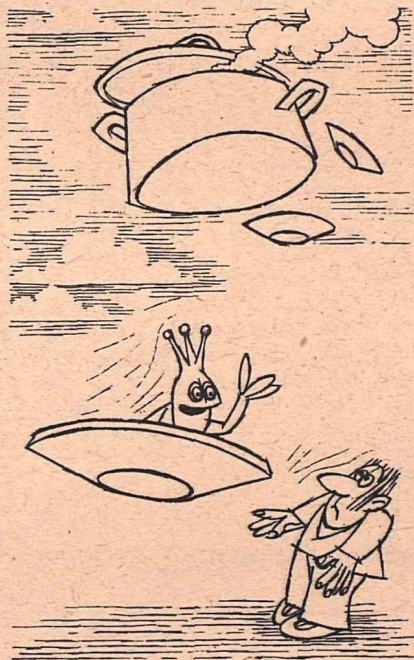
— Самый лучший! — четко ответил шофер.— В инструкции сказано: обладает веселым нравом и живым воображением.

— Воображением, говоришь? — переспросил товарищ Нирев и снова посмотрел на попугая.

— Совершенно верно.

— Ну раз так, хорошо,— кивнул товарищ Нирев.

Прошло несколько дней, и огорченный товарищ Нирев вызвал из

— Приглашаем вас на обед на главный корабль...

Рисунок В. МАРИНОВА

зоомагазина специалиста. Орнитолог долго осматривал птицу, раскрывал ей клюв, дул на перья и спрашивал о режиме питания.

— Ничего не понимаю,— пожал наконец плечами орнитолог.— Зачем вы меня вызвали? Птица в полном порядке.

— То есть как это в порядке? — рассердился товарищ Нирев.— Она же не работает!

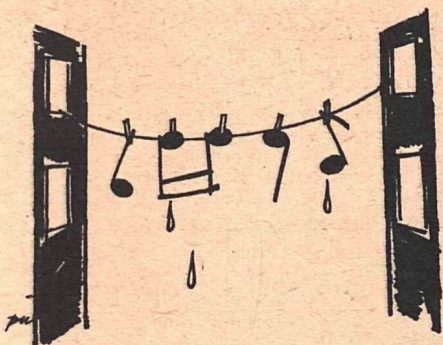
— Как это не работает? Вы что, хотите, чтобы она убирала комнату и мыла посуду? — саркастически спросил орнитолог.

— Прошу не остричь,— нахмурился товарищ Нирев.— У меня, слава богу, есть кому убрать квартиру и вымыть посуду. Птица молчит. А я рассчитывал, что она будет повторять мои мысли.

— Позвольте, это какое-то недоразумение. Попугай ара — это птица декоративная, дорогая, приятная для глаз. Но она не разговаривает...

— Как это не разговаривает! — загремел товарищ Нирев.— Я этого не потерплю! Ни один мой подчиненный никогда...

— Боюсь, что попугай все-таки не будет повторять ваши мысли. Хотя бы потому, что он у вас не в штате. А что касается ваших мыслей, я думаю, в вашем учреждении хватает людей, которые их с удовольствием повторяют...

УТРО В ВЕНЕЦИИ

Рисунок РЕМЕ

Рисунок Д. ДОНЕВА

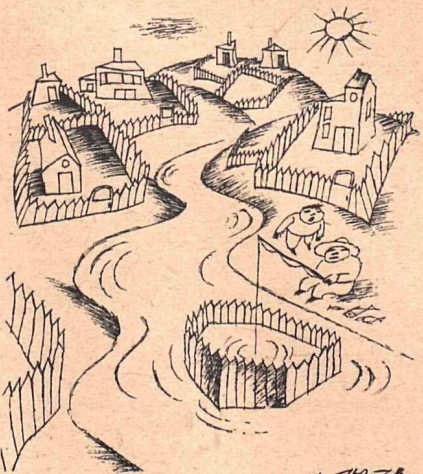

Рисунок Л. МИХАЙЛОВА

Переводы с болгарского Наума ЛАБКОВСКОГО.

КРОКОДИЛ

№ 13(2275)

май

ИЗДАЕТСЯ

С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: Н. Александров, М. Вайсборд, О. Ведерников, В. Владов, Е. Гаврилин, Р. Друкман, Ю. Егоров, Н. Лисогорский, Е. Милутна, В. Мохов, В. Тамаев, Ю. Узбяков, Л. Филиппова, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455,

Москва, ГСП,

Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
[художественный редактор]

Г. О. МАРЧИК
[зам. главного редактора]

И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
[ответственный секретарь]

Технический редактор
Б. П. БОРИСОВА.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 6.04.79.
Подписано и печати 16.04.79.
А 07845. Формат бумаги
70x108¹/₈.

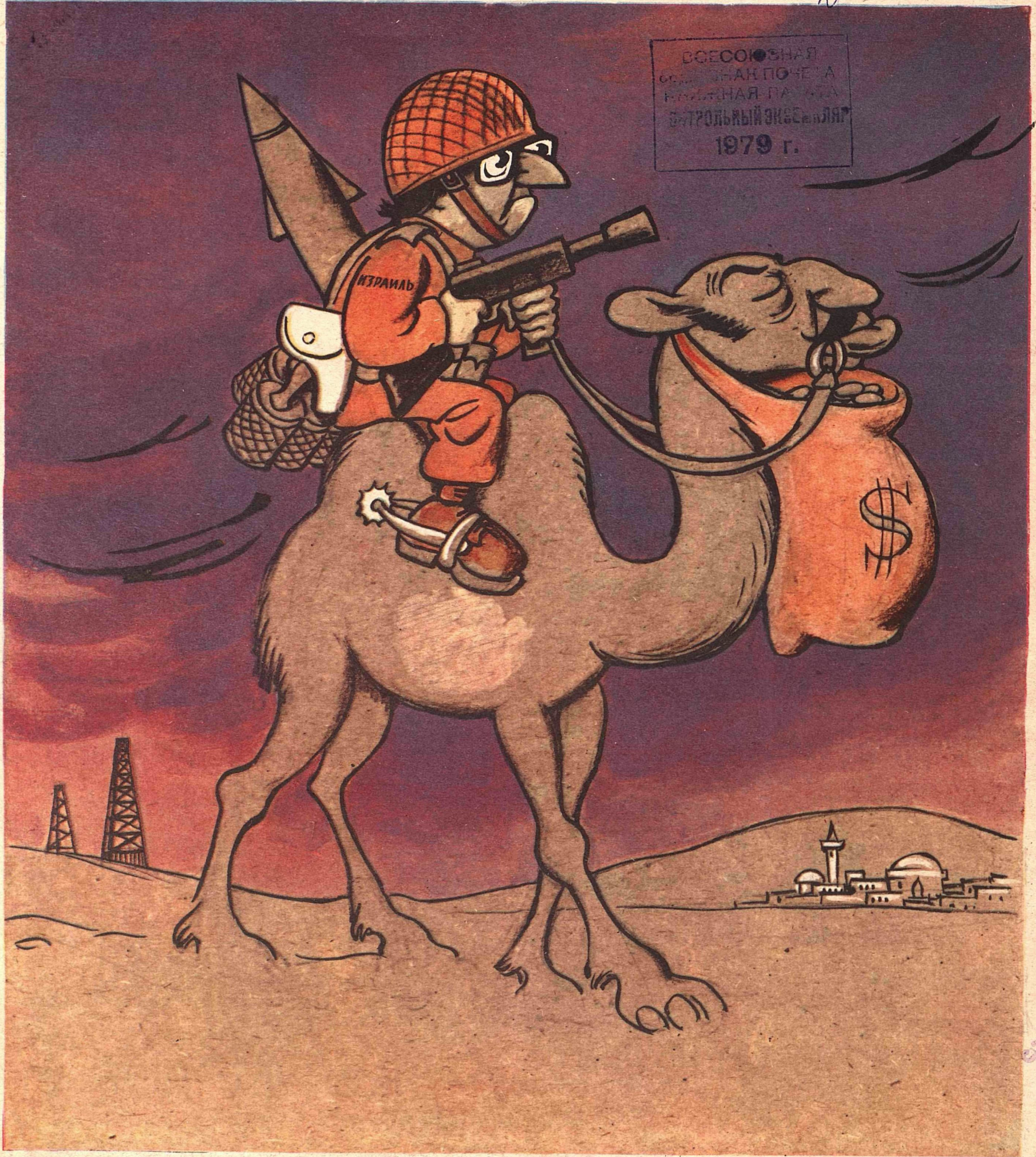
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л.
4,54. Тираж 5 850 000 экз.
(1-й завод: 1—3 650 000).
Изд. № 1037. Заказ № 484.
© Издательство «Правда»,
«Крокодил», 1979 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865,
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Сепаратная сделка Садата с Израилем противоречит национальным интересам всех арабов, да и самого Египта. Садат отказался от полного суверенитета своей страны.

21987

W

ЖАНДАРМСКИЙ ПАТРУЛЬ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Индекс 70448

Цена номера 20 коп.